

11/2010

Путеводная звезда

школьное чтение

Владислав Крапивин

Прыгалка

Медаль

Ночью штормило. К утру ветер угас, а к полудню сгладились и безжавшие с залива крутые волны. Однако за ночь они успели навалить на галечные пляжи под кругизной груды бурых водорослей. В этих грудках зеленели рваные лоскутки морской капусты. Горячее с утра солнце высушило водоросли, но только снаружи, а под верхним слоем они оставались влажными. Было приятно проваливаться ногами сквозь теплую сухость в сырую прохладу.

Марко шел и проваливался — где по щиколотку, а где и по колено. Плетеные башмаки он еще на школьном крыльце сунул в полупустой ранец и зашагал босиком сначала по плиткам поселковой улицы, потом по нагретым каменным окатышам на берегу и наконец — сквозь мочальные пряди морской травы.

Негромко плескала задремавшая вода, низко носились чайки, на камнях белели клочья высохшей пены.

Водоросли пахли как всегда — водорослями. То есть горьковатыми стеблями, йодом, солью, рыбой, и почему-то смолеными канатами, хотя никакой пристани рядом не было...

А еще пахло теплым ракушечником, деревом рассыпанной на берегу шлюпки, мидиями и всякой степной травой. Растет она высоко, за краем обрывов, но чувствуешь ее и здесь, у воды...

Этот запах был для Марко привычным, как сама жизнь.

В апреле, когда он вышел из расхлябанного рейсового автобуса на краю поселка Фонари, когда снова вдохнул здешний воздух, то чуть не заревел. Весна была ранняя, безоблачная, он рывком содрал с себя куртку, поднял лицо и зажмурился на солнце. «Господи, как я мог отсюда уехать?»

Но теперь и печали, и радость возвращения остались в прошлом. Солнце было уже летнее, июньское...

Подсохшие водоросли ласково царапали ноги. Похожие на стеклянную пыль морские блохи тысячами взлетали перед Марко, и среди них, как в дождевой мороси, включались игрушечные радуги. Потом из коричневых стеблей выбрался крохотный мелко-пятнистый краб. Засуетился, провалился в чащу, выбрался опять. Перепуганно завертел бисерными глазами на стебельках. Марко двумя пальцами ухватил его за панцирь, отнес к воде, посадил в тени сырого камня.

— Больше не суйся, куда не надо, малявка...

Второго такого же малыша Марко увидел посреди похожего на драконий череп известнякового обломка. В известняке были круглые, как следы от мячиков, углубления. Самое большое из них пряталось в тени, и в нем еще не высохла вода. Там и сидел крабёныш. Иногда пытался выбраться, но тут же соскальзывал. Марко помог и этому бедолаге, пустил его прямо в маленькую осторожную волну: там сообразит, как ему жить дальше...

Скоро на пути у Марко оказалась неровная стенка. Невысокая — где по пояс, а где по колено. Приглядишься — и видно, что искусственная кладка. Крупные брусья пористого туфа. Говорили, что это остатки древнего пирса. Когда-то здесь была рыбацья гавань. Стенка тянулась от подножья обрыва до воды. Там она упиралась в развалившееся приземистое строение — то ли остатки сторожки, то ли основание маячной башенки.

Поселковые ребята знали, что во время шторма прибой иногда забрасывает внутрь постройки всякие морские трофеи: сорванные с судов спасательные круги, пустотелые стеклянные шары от сетей, разноцветные пластиковые ведра с поплавками на

Коротко об авторе. Владислав Крапивин

Владислав Петрович Крапивин родился 14 октября 1938 года в г. Тюмени в семье педагогов. Окончив среднюю школу в 1956 году, поступил на отделение журналистики Уральского государственного университета (хотел быть моряком, но не взяли по здоровью, еще хотел быть учителем, но в тот год в пединститут не было приема). После окончания университета в 1961 г. стал журналистом, работал в газете «Вечерний Свердловск» и журнале «Уральский следопыт». Одновременно писал повести и рассказы о том, что хорошо знал, — на детские темы. В 1962 г. в Свердловске вышла его первая книга прозы «Рейс Ориона». В 1964 г. его приняли в Союз писателей, и в 1965 г. он ушел на творческую работу. В.П. Крапивин написал более 10 романов и около 50 повестей, на разных языках издано около 200 книг. И все они адресованы школьникам. В 1961 г. в Свердловске возник детский отряд «Каравелла», он объединяет поклонников творчества писателя. В. П. Крапивин руководил им более 30 лет. Ребята издают свой журнал, занимаются фотографией, по собственным чертежам строят яхты и ходят в походы на собственном морском паруснике. Писатель долгое время жил и работал в г. Екатеринбурге, а в 2007 г. переехал в город своего детства.

ручках, шлопочные анкерки и даже судтые с неосторожных моряков фуражки... Марко с разбега прыгнул в стенку и встал, размышляя. Надо бы, конечно, заглянуть в развалины: вдруг повезет. Но в то же время желудок постанывал от голода. А стенка тем краем, что у обрыва, упиралась прямо в начало крутой тропинки-лесенки, ведущей к Маячной улице, на которой дом Солончуков. А в доме наверняка готова уха из пикши и вареники с начинкой из ранней черешни. До развалин же, хотя и недалеко, но надо ноги ломать...

И все же исследовательский дух победил. Прыгая с камня на камень по заросшему клячками гребню, проваливаясь ступнями в расщелины между туфовыми брусьями, Марко двинулся на поиски добычи. Казалось бы, чего проще — соскочи со стенки и, перепрыгивая через кучи водорослей, топай по гальке и песчаным пропелешам. Но нет же, поверху интереснее. Попахивает приклучением.

И настоящее приклучение случилось.

До каменной хибары оставалось несколько шагов, когда из нее донесся голос:

— Эй, браток...

Марко замер. Видимо, за ним наблюдали через щель.

Слово «браток» было понятное, но не здешнее. Если взрослому нужен был мальчишка, могли окликнуть по-всякому: «хлопчик», «малец» или уважительно — «дружище», или слегка насмешливо — «эй, школяр»... Если звали незнакомые девчонки, то вполне «культурно»: «эй, мальчик...» Если пацаны, то в зависимости от того, какие. Или «стой, салага», или «подожди, корешок», или «тормозни, приятель»...

Впрочем, нынешний голос был хотя и молодой, но взрослый.

— Браток, загляни сюда, дело есть...

В прошлом году Марко без боязни скакнул бы навстречу зову. Раз есть у кого-то к нему дело! Но теперешние тревожные дни требовали осторожности. Напоминание тому — темная гряда крейсера, что неумолимо торчит посреди синевы и солнечного блеска в миле от берега...

Марко не двинулся. Спросил громко, но вроде бы равнодушно:

— Чего надо?

— Да подойди, не обижу! Не бойся!..

Теперь, если не пойти, это означало бы, что боится. В общем-то, в такой боязни не было ничего постыдного. В нынешней блокадной обстановке!.. Но все-таки...

А голос донесся снова:

— У меня тут... затруднение...

Врет, небось. Проходимец какой-нибудь... Ну, а если правда затруднение?

Ладно, в случае чего можно рвануть к лесенке со скоростью газели. Фиг его кто догонит! А станет настигать — можно катнуть вниз по ступеням пару тяжелых камней...

Марко прыгнул с брусков, опять увяз в гряде водорослей, пробрался к входу в хибару — тот был со стороны моря. Не вход, а широченный пролом. Марко встал снаружи, заглянул.

В круглом помещении без потолка, привалившись к стене спиной, сидел на каменном полу парень в камуфляже.

Камуфляж был синий, флотский. Треугольный вырез на груди окаймляли края матросского воротника — тоже синего, с белой полосой. Этот парадный воротник на походной робе выглядел нелепо. Еще нелепее казался черный беретик с оранжево-зеленой кокардой и красным шариком на макушке.

«Нюшкин матрос, — понял Марко. — Наверно, с крейсера». Только в НЮШе матросов одевали, будто детсадовских ребятишек для карнавала.

Матрос не выглядел пострадавшим, вполне здоровый вид. На пятнистых коленях лежал черный тупорылый Б-2 с пистолетной ручкой и коротким подствольником, из которого торчал похожий на толстую авторучку снарядик. В общем, бравый и даже грозный морской десантник из Независимых Южных Штатов.

Только лицо его не было боевым и грозным. Простецкое такое, курносое, почти безбровое, с рыжеватыми ресницами вокруг светло-серых глаз. Пухлые губы — в вопросительной полуулыбке.

— Понимаешь, браток, у меня проблема... — И смущенно сморщил переносицу.

«С южного флота, а говорит, как северянин», — мелькнуло у Марко. Он перестал бояться.

Да, у матроса был автомат, но у Марко проснулось кой-какое гражданское самосознание. В конце концов, он на своей земле, соберись тут в заливе хоть весь «нюшкин» флот (кроме крейсера, у них еще ржавый эсминец и два пожарных катера).

Марко строго сказал:

— Что ты здесь делаешь?

Кажется, матрос глянул с пониманием. Ответил сразу:

— Что-что... Службу нес. Нахожусь в береговом секрете по приказу его вельможности капитана второго ранга Перемоги. Веду наблюдение.

Марко полагалось бы сказать: «Мотай отсюда

на свой крейсер, здесь не ваша территория...» Но он почему-то лишь хмыкнул:

— За кем ты наблюдаешь-то? Ничего же не видать...

В самом деле, в стенах развалины со стороны берега светились лишь две-три тонкие щели (наверно, в одну из них матрос и разглядел Марко). Сквозь щели различимы были только голый пляж и пласты обрыва.

— Ну и черт с ним, что не видать, — охотно разъяснил «наблюдатель». — Приказали, вот и сижу. К ночи шлюпка заберет, брякнусь на койку в кубрике. Матрос лежит — служба бежит... Ну, сделай мне одно одолжение, браток. Помогит.

Марко на всякий случай глянул назад и храбро заявил:

— Чегой-то я буду тебе помогать? Я житель Империи, а не вашего «Нюша». Ты шпионишь за нами, а я тебе делаю одолжения, да?

— Да не шпионоу я за вами! Приказано только смотреть, нет ли поблизости международных наблюдателей!

Представителей ОМН (Организации международного надзора) одинаково не терпели обе стороны. Впрочем, в районе поселка Фонари наблюдатели не появлялись.

— Их тут сроду не было, — хмыкнул Марко. И спохватился: кажется, он выдал сведения, которые могут пойти на пользу нюшкам! Чтобы отвлечь матроса от этой информации, он заговорил сердито и капризно:

— А помогать я не имею права! Нам в школе велели, чтобы мы не вмешивались ни в какие военные дела. Ни на какой стороне!

Матрос лопатками оттолкнулся от стены. Сжал у груди ладони. И лицо его стало почти умоляющим.

— Но у меня же не военное дело! Совсем личное! Надо отправить письмо! У вас в Фонарях ведь работает почта, да? У тебя вся забота — добежать да сунуть почтальону в окошечко... В ящик не надо, вдруг его редко проверяют...

— Ага! А в письме какие-нибудь секретные планы!

Матрос обмяк, растопыренными ладонями уперся в пол.

— Ну, ты прямо... начался книжек про Крымскую войну или Робин Гуда... Кто сейчас отправляет секретные планы через почту? У меня радио... — он хлопнул по оттопыренному камуфляжному карману на груди. — Что надо — в один миг... А письмо... если хочешь, на, прочитай... — Из другого кармана он вынул цветную картонку размером с открытку.

Это и была открытка, только двойная, сложенная книжицей. На ней пестрела картинка с сельскими мазанками и пирамидальными тополями. В углу желтела отпечатанная треугольная марка — «Почта НЮШ». На марке — герб: кукурузный початок, торчащий из раскинутых веером острых листьев (поселковые мужчины, ухмыляясь, говорили, что и не початок вовсе, а... в общем, совсем другой предмет). Все это мелькнуло у Марко, когда он приглядывался к написанному рядом с картинкой адресу. Синие буквы были крупные и твердые: «Горелкиной Анне Сергеевне, дом 2, ул. Ручейковая, г. Малога, Новотомский регион, Империя»...

Марко дернуло за язык:

— Невесте, что ли?..

Глядя в сторону, матрос тихо сказал:

— Маме... И никакой военной тайны. Хочешь, почитай...

Он выдернул из щелки картонный язычок, раскрыл книжицу, повернул к Марко. Четкие строчки читались так же легко, как и адрес:

«Мама, это я! Не бойся за меня. Телефон молчит, потому что блокада. А так все хорошо и опасности нет никакой. Скоро все кончится, и мы придем на базу. А осенью будет дембель, и я сразу приеду. Целую тебя и Сергееву. Твой Володя».

Марко опустил голову, стал смотреть на босые ноги. Зашевелил пальцами. Как умеют изводиться мамы из-за сыновей, он понял, когда жил в столице. Дня не проходило без открытки или звонка... И все же он опять поднял глаза. Сидели в нем остатки непримиримости.

— А если она... если мама твоя в Империи, ты зачем в Нюшкином флоте? Такой «кукурузный патриот», да?

Матрос опять не рассердился. Свернул открытку, почесал твердым уголком нижнюю губу. Невесело объяснил:

— А меня спросили? Я в Южный универ поступил, когда все еще было спокойно, там знаменитый исторический факультет... А на втором курсе вваливаются на лекцию трое с автоматами, подняли пятерых, отвели в казармы. Кинули под ноги военные робы: «Одевайтесь! Долг студентов — защищать независимость нашего нового государства... И не пикать, книжные крысы!»

— Но ты же, наверно присягу дал? А мог ведь отказаться...

— Двое отказались, — глядя все так же мимо Марко, проговорил матрос Володя. — Где они закопаны, теперь не найдет никто... — И вдруг шевельнулся, сказал уже иначе, живо и почти дураш-

ливо: — Слушай, браток, а я тебе заплачу за это... за почтальонство!

Марко готов был уж взять письмо, и этим «заплачу» нюшкин матрос Володя только повредил делу. Марко сунул руки в карманы, растопырил локти, спросил с ехидцей:

— Правда, заплатишь? А что дашь?

— У меня есть... вот это... — Матрос завозился, достал что-то из брючного кармана, протянул на ладони.

Это была белая блестящая медалька на синей ленточке, сувенир для приморских туристов. С надписью по кругу: «Тарханайская коса. Южный край».

Марко сморщил переносицу:

— Тоже мне сокровище. Этого добра в киоске на автостанции полным-полно. За гроши.

Шевельнулось легкое злорадство. Приятно было ощущать зависимость этого здорового парня с автоматом от него, от щуплого безоружного Марко. И тот, видать, почуял это удовольствие вредного «братка». Но сдержался. Объяснил примирительно:

— Одно дело в киоске, а другое дело — как бы в награду... от человека, которому помог. Так сказать, за подвиг.

Марко стало неловко — и за матроса, и за себя. Набычился:

— Подумаешь, подвиг, добежать до почты... Давай письмо.

Матрос положил автомат у тяжелых ботинок, толкнулся спиной, быстро встал (оказалось, что Марко ему головой чуть выше локтя). Протянул письмо.

Марко взял, размышляя, в какой карман затолкать. Широкие парусиновые штаны были короткими, до колен, однако больших карманов на них — целых шесть: два на «корме», два спереди у пояса, а еще два пониже. И на рубашке (тоже парусиновой) два нагрудных кармана. Все пустые... Марко решил, что лучше всего — правый нижний, на штанах. Но матрос, кажется, не доверял широким карманам без застежек (вдруг письмо вылетит?)

— Слушай, давай положим в ранец! Надежнее будет...

— Ну... давай.

Марко повернулся к матросу спиной. Володя отстегнул крышку и через секунду шелкнул замком снова. Хлопнул по пустой упругости ранца.

— Слушай, что скажу...

Марко оглянулся.

— Что?

Матрос опять протягивал медаль на ладони.

— Ты это... возьми все-таки. Не в награду, конечно, а так... ну, на память, что ли. Поглядишь когда-нибудь, вспомнишь матроса Владимира Горелкина, пожелаешь ему удачи...

Он смотрел серьезно, просительно даже. Наверно, для него, для Владимира Горелкина было важно, чтобы местный «браток» взял подарок. Может, примета какая-то. «Пожелаешь ему удачи...»

— Ну, давай, — опять сказал Марко.

Он зачем-то подышал на медаль, потер ее о левый нагрудный карман и опустил в него металлический кружок с ленточкой.

— Ладно, я пошел...

— Постой... ты отправь письмо без задержки, ладно? Сегодня...

— Сейчас и отправлю. — Марко мельком глянул в серые нерешительные глаза и добавил чуть снисходительно: — Не бойся, правду говорю. Честное слово...

Выпрыгнул из пролома, выпутал ноги из водорослей и побежал вдоль стенки к обрыву (и знал, что матрос Горелкин смотрит ему вслед через щель).

Морской конец

Желто-серый обрыв нависал над прибрежной полосой могучими слоями известняка, песчаника и глины. Высота была метров двадцать. Внизу, у галечной россыпи, начинались крутые ступеньки. Иногда их сменяла вырубленная (или натоптанная в камне за века) тропинка. Потом — опять ступеньки... Пока доберешься до верха, ноги делаются, как деревянные... А ведь и дальнейший путь был нелегкий. Вернее, не короткий. В обход Фонарного холма, через весь поселок (а он размером с городок). Сначала по Маячной улице, потом через большой сад с разрушенным деревянным кинотеатром, затем через площадь с Никольской церковью, дальше — по Большой и Малой Рыбачьим улицам, а за ними, перед Почтовым переулком еще пустырь, на краю которого кирпичный рыбокопильный цех (нынче тоже не работающий). А на пустыре может случиться всякое. Вдруг там гоняют футбол местные, «копильные» пацаны? Тогда легко угодить в плен. Конечно, лупить не станут, если не вредничаешь, не «выступаешь», но устроят какое-нибудь испытание. Например, заставят бить мячом по воротам и не отпустят, пока не вклепаешь вратарю десять банок. А вратари у «копченых» известные...

Можно, конечно, очень убедительно объяснить: люди, я «не в игре», иду по важному делу. Но ведь потребуют: докажи. А как докажешь? Не давать же им письмо матроса с нюшкиного крейсера.

Было бы джольчик — тогда другое дело. С ним везде свободный проход. Но Марко после возвращения из столицы джольчиком все еще не обзавелся. Показать медальку — вот, мол он? Только ведь не поверят просто так, скажут: поклянись. И надо будет перекреститься на церковную колокольню. А этого лучше не делать, такими клятвами не шутят... Вот если поймают на обратном пути, когда уже отошлешь письмо, тогда — пожалуйста. Медаль можно будет считать джольчиком, потому что получена за дело. А пока пусть лучше обойти по Греческой балке и к почте выбраться по Насосному спуску, мимо водкачки...

Было бы разумно в начале пути, на Маячной, заскочить домой (там уха и вареники), потому что о-о-ой как стонет в желудке пустота. Но ведь дома есть опасность застрять надолго. «Марко, сделай это, Марко, сделай то, Марко, ты куда опять настропалился, вот вернется отец — все ему расскажем...» А его, Марко, дернула нечистая сила пообещать матросу: «Сейчас и отправлю, честное слово». Конечно, задержка будет не такая уж большая, а брошенное между делом «честное слово» — не клятва лицом к церкви. Но ведь все равно засядет в душе заноза...

Был, правда, и более короткий путь до почты — по обрывам. По уступам, глинистым осыпям, ракушечным карнизам, каменным завалам. По хитрым тропинкам, которые то есть, то нет. А внизу, вдоль воды, не пройдешь, пляжная полоса часто прерывается уходящими в воду скальными отвесами.

Марко приходилось лазать по обрывам, когда играл с ребятами в прятки-догонялки или в пиратов. Но эти лазанья были короткими и не очень опасными. А сейчас предстоял непрерывный путь по головоломным неровностям и тропкам. Именно головоломным. Загредишь вниз — и страх подумать, что будет. Хорошо, если просто в глубокую воду. А если на камни?..

Но... чем больше думаешь, том больше боишься. Зато эта дорога до почты была чуть не вдвое короче обычной, через поселок. Не надо огибать холм, сразу окажешься в Почтовом переулке, что выходит к берегу... Кроме того, закопошился в Марко «приключенческий жучок» — тот, что не раз подбивал его на всякие неразумные (с точки зрения здравомыслящих людей) поступки. «Не рискуешь — не живешь...» Путь до почты по кру-

тизне над морем мог считаться настоящим приключением.

И джольчик тогда будет заработан совсем честно!..

Марко глубоко-глубоко вздохнул, сказал себе, как противнику-шахматисту, «взялся — ходи!» и со ступеньки прыгнул направо, на длинный ракушечный выступ...

Ну и что? Было не так уж трудно. И не так уж страшно. Почти как во время прежних игр. Правда, раньше не забирался так высоко, но какая разница? Надо только покрепче хвататься за камни, тверже ставить ноги и не смотреть вниз. Смотреть следует перед собой, выбирая подходящие щели и выемки, чтобы вцепиться как следует.

И лучше совсем не думать, что такой путь будет тянуться целую милю. Надо просто двигаться шаг за шагом, скачок за скачком, толчок за толчком... Хорошо, что не видят его мама и Евгения — обмерли бы... А вот если бы увидела девочка Юнка, было бы, пожалуй, замечательно. Тоже обмерла бы, зато...

А что «зато»?

Девочка Юнка, наверно, и не вспоминает бывшего одноклассника Марко Солончука. У нее полно других забот. Эти хлопоты с переездами, с репетициями... А может, опять разболелось плечо... А сам-то он часто ли вспоминает Юнку?

Путь не всегда был головоломным. Попадались и безопасные места: широкие длинные карнизы, на которых угадывались остатки дорожек — может быть, тысячелетней давности. Здесь ведь столько всякой старины. То и дело видишь впрессованные в толщу песчаника обломки капителей от храмовых колонн, мраморные карнизы с орнаментом и сложенные арками блоки известняка. А внизу прибой перемывает оранжевые осколки древних амфор и горошины из радужного стекла — от ожерелий эллинских красавиц. У девочек в поселке почти у каждой такая бусинка на шее, а то и по нескольку...

Иногда открывались и совсем широкие площадки — с теннисный стол. Можно постоять, передохнуть, присесть даже. Можно без опаски взглянуть вдаль. Сизые горизонты размыты и туманны. Желтые кучевые облака над ними — как всплывшие острова. Море рябит. Оно ярко-синее, но там и тут пятна солнечных россыпей. И было бы совсем прекрасно, если бы не лиловый прыщ крейсера... А ближе к берегу море становится зеленым. И даже отсюда, с высоты, видно, что оно прозрачное. Кажется, можно разглядеть на дне плоские об-

росшие камни, на которых рябь от лучей... И носятся над водой, орут чайки, ищут выброшенную штормом добычу...

За площадкой, после короткой передышки — опять «сплошной альпинизм». И уже рубашка на груди и животе изжевана, а ноги и руки в царапинах и белых следах известняка, в рыжих заплатах глины. И босые ступни горят, как надренные теркой. Конечно, босиком карабкаться и прыгать про уступам удобнее, чем в сандалетах, но ведь подошвы-то не железные... Зато позади осталось две трети пути! Это Марко понял, когда за скальным поворотом открылась вдаль оконечность Тарханайской косы с красно-белой башней маяка. И тут же оказалась впереди еще одна площадка — этаким каменный балкон, будто приглашающий: «Отдохни...» И даже «скамеечка» была, торчал из вертикальной стены узкий выступ.

Как удержишься от соблазна, когда ноги гудят, а солнце жарит пуще обычного (нет, чтобы хоть на минуту спрятаться в облако!).

Марко сел. Потер икры и ступни, хныкнул, как брякнувшийся с качелей малыш (все равно никого рядом нет). И решил, что имеет право отдохнуть подольше. Скосил глаза вниз, на рубашку... Досталось ей. Материя вмятку, две пуговицы потеряны, нагрудный карман, в котором медаль, надорван. Хорошо, что не сильно, а то бы прощай будущий джольчик... Все-таки лучше переложить в другой карман, справа...

Марко выудил медаль за ленточку и вспомнил, что даже не рассмотрел ее. Ну, с одной стороны — якорек и надпись: «Тарханайская коса. Южный край». А на обороте?

На таких медалях были самые разные картинки: кораблики, крабы, старинные пушки... А на этой оказался морской конек!

Вот это да! Совпадение? Или примета?..

В любом случае теперь уже ясно — это именно его, Марко Солончука, джольчик. Гораздо крепче и надежнее стеклянного пистолетика, который сломался при отъезде в столицу. Пистолетик был все-таки случайной вещичкой, а медаль с коньком...

*«Эй, горбач, морской конек,
Разогнись хоть на генек!..»*

«А мне нравится, что у тебя такое прозвище — Конек... Даже не прозвище, а просто имя...»

«Почему нравится?»

«Ну, ты же весь такой... морской житель...»

Он и правда иногда был похож на морского конька. Во-первых, потому, что часто сутулился. Не из-за какой-то болезни или слабости позвоночника, а просто «из-за лени и вредности», как заявляла старшая сестрица Евгения. Ему даже купили ранец со специальной твердой спинкой — чтобы держался прямее. Ну, он и старался держаться, если не забывал... Но было еще одно сходство — отбеленные неутомимым солнцем волосы иногда взъерошивались от затылка до лба. Будто гребешок у морского конька. А третье сходство — то, что Марко часто вытягивал губы в трубочку. Ему казалось, что в этом случае толстые и совсем «не мужественные» губы его делаются меньше и тверже. Мама и Евгения говорили: «Ну, снова рот дудкой. Лучше улыбнись...» Он послушно улыбался, а потом — все опять. Особенно, если думал о чем-то важном или что-то вспоминал... А известно ведь, что у морского конька губы тоже трубочкой. Ну и вот. Если глянуть на Марко сбоку, когда стоит согнутый, волосы — торчком, губы — вперед, в точности морской конек. Вроде тех, что малышня ловит на мелководье, среди косматых подводных валунов (ловит, а потом отпускает)...

На кого похож Марко, замечали многие и порой поддевали его добродушными замечаниями. Но прозвища «Морской конек» в поселке у Марко не было. Вообще никакого не было, хотя у многих мальчишек они имелись. Появилось прозвище только в столичном Лицее.

Почему он уехал в столицу НЮШа (зачем согласился?!), Марко потом и сам не мог себе объяснить. Ну да, хотелось нового, дальних дорог, чудес большого города, всяких открытий... Но не настолько же, чтобы отрывать себя от моря, от родного берега с Тарханайской косой и маяком, от мамы, от Женьки; от привычного ребячьего народа с Маячной улицы («Марко, пошли на Камни! Слон обещал рассказать про пришельцев с Персияды!»).

А случилось вот что. В прошлом августе наведлась в гости двоюродная мамина сестра тетя Даша с мужем Германом Алексеевичем. Тетя Даша была добрейшая душа, хотя и чересчур со столичными привычками (моды там всякие, косметика). А Герман Алексеевич — усмешливо сдержанный, неразговорчивый и, вроде бы с крепким характером, но с женой всегда соглашавшийся во всех ее планах. А планы Дарьи Григорьевны возникали стремительно. И строились они всегда на желании осчастливить ближних.

Маме и отцу Марко она с первых дней принялась внушать:

— Марусенька, Гоша! Я понимаю, вы выросли в эти места всеми корнями. Но зачем обрывать детей на провинциальное прозябание? Женечка — красавица! Ее милые веснушки — золотая россыпь для создания современного имиджа! У нее все данные, чтобы в столице стать звездой сцены или бизнеса!.. А Марик! С его задатками философа, с его способностью смотреть в глубину явлений!.. А что его ждет в Фонарях? Судьба приморского Гавроша, а потом должность бригадира рыбачьей артели?.. Неужели он этого хочет от жизни?

Женя морщила конопатую переносицу и деликатно уходила на веранду. Она не хотела быть звездой, а хотела стать научным сотрудником в Институте южных морей. Но он не в столице. И Женя изо всех сил готовилась поступать на биофак в Ново-Византийском Филиале. А Марко делал вид, что разговор — не про него. Чего он хочет от жизни, Марко никому не говорил, отвечал, что пока не знает. А внутри себя знал, но ни с кем не делился, потому что сочли бы параноиком...

Он был не такой решительный, как сестрица. Тетушке удалось уломать его «пожить хотя бы годик в главном городе Новых Штатов».

— Ты убедишься, сколько возможностей в столице! Ты ведь нигде не бывал дальше Сканевска! А у нас ты увидишь столько всего! И поймешь, как отличается Лицей от школы в Фонарях! У нас есть возможности устроить в него племянника! Тем более, у тебя почти сплошь отличные оценки...

Неизвестное всегда заманчиво. А Дарья Григорьевна была настойчива (и муж кивал в такт ее словам). Потом уже Марко понял (или почувствовал), что пожилой, но еще энергичной супружеской паре, чьи дети выросли и разъехались, очень хотелось иметь кого-нибудь, о ком надо заботиться и тревожиться. Чтобы в жизни виделось побольше смысла!..

Столичный Лицей и правда был не похож на поселковую школу — трехэтажку из белых известняковых блоков, где в сентябре всегда пахнет побелкой и масляной краской. В гранитном корпусе с полукруглыми окнами и колоннами пахло стариной и науками. Портреты в золоченых рамах украшали стены сводчатых коридоров (какие-то генералы, писатели и прежние директора Лицея). Здесь невозможно было представить игру в конный бой или догонялки-прыгалки — это понимали даже малыши. Впрочем, они, малыши, отличались от старших лицеистов лишь размерами. Лицей-

ская форма с длинными сюртуками и отутюженными брюками делала их уменьшенными копиями выпускников. В самом деле — поскачи-ка в таких костюмах.

Эту форму — кусачую и тяжелую, как доспехи, — Марко возненавидел с первого дня. Было непонятно, почему при жаре чуть не в тридцать градусов, надо приходить на занятия в суконном мундире и галстук. Появись в таком виде в поселковой школе, весь народ полег бы от хохота...

Ну ладно, Марко притерпелся. Потому что было в лицее и много интересного (тетушка не зря обещала). Полукруглые классы (аудитории!) с амфитеатрами скамеек и столов, с экранами и электронными досками. Компьютерные комнаты, где никаких очередей и графиков — садись и занимайся. Библиотека в двухэтажном зале, где всякого, даже первоклассника, встречали, как долгожданного гостя (может, потому, что «гостей» было не много, лицеисты больше «клеились» к мониторам)...

И учиться оказалось не труднее, чем дома. Ну, подумаешь, элементы высшей математики! В Фонарях директор Юрий Юрьевич тоже преподавал эти элементы (правда, не в обязательном порядке, а всем желающим). И желающих было немало. А семиклассник Гаврик Вахта настолько преуспел в этой науке, что занял первое место на олимпиаде в Ново-Византийске (даже в газете писали). Марко никаких побед не одерживал, но тоже кое-что соображал в таких вопросах, Юрий Юрьевич его похваливал...

А вот с одноклассниками в столице он сходилась туго. Вернее, никак не сходилась. Нет, никто не отпихивал его откровенно, вражды не показывал — культурные люди все-таки, лицеисты, — но...

В прежней школе все было просто. Без хитростей и долгих обид. Могли ссориться, могли подражаться (если один на один и силы примерно одинаковые), могли даже допекать дразнилками. Но если видели, что довели человека до слез, тут же отступали: «Ну, чего ты, мы же не по правде... Ладно, хлопцы, отдать якоря».

Якорь — лапоу за дно,

Все мы будем заодно!..» —

И на ладонь того, кто обижен, хлоп-хлоп свои ладони!

В Лицее никто никому не чинил явных обид. Но были усмешки. Это Марко ощутил в первые же дни.

Оказалось, что здесь шестиклассники не носят книги и тетрадки в ранцах. В поселке Фона-

ри их носили в чем угодно: в торбах, в портфелях, в сумках, в магазинных пакетах. Миколка Яшин таскал свою школьную ношу в чемоданчике из ивовых прутьев, который сам сплел на хуторе у деда. Ходили и с рюкзаками, и с разрисованными ранцами, которые у многих сохранились чуть ли не с первого класса. Никто не обращал на это внимания. А в Лицее полагалось иметь модные, «с наворотами», сумки, которые в столичных магазинах стоили не дешевле мобильных последнего образца.

В шестом классе «Г» («гуманитарный») все, кроме Марко, были «свои», знали друг дружку с давних пор.

С новичком познакомились без лишней приветливости, но и без подначек. Лишь когда услышали, что он из поселка на Побережье, кое у кого мелькнули ухмылки. Краем уха Марко услышал: «Туземный представитель... морской Маугли из края, где лиманы и туманы...» Ну и ладно, это девочки чесали языки. Марко решил, что безобидно. А потом подошел один из главных людей в классе, Фарик Сагайдак, — красивый такой, улыбочивый, всеми любимый, — похлопал по ранцу, который висел на крючке у парты. Снисходительно спросил:

— А ты чего это, юноша, ходишь с малышом атрибутом?

Стоявшие рядом хихикнули. Почти дружелюбно. Марко знал по прежнему опыту, что лучшая защита от насмешек — веселая откровенность, и признался:

— Ностальгия по раннему детству. А еще — «ортопедическое средство». С детсадовских времен отучают от сутулости: держись, мол, хлопец, прямо, а то как неандерталец...

Хихикнули опять, вроде бы, не обидно, понимая. Но Фарик посоветовал:

— Все же обзаведись чем-нибудь посовременнее, надо блисти имидж. Здесь свои обычаи...

— Я обдумаю, ваш совет, милорд, — пообещал Марко самым шутовым тоном.

Зоя Карневская — изящная, как девочка из рекламы тайваньских солнечных очков, — протяжно произнесла:

— Знаешь, «хлопец», ты не так уж похож на первобытного человека. Скорее на морского конька. Особенно, если смотреть в профиль... Особенно, когда губы дудочкой...

Марко втянул губы и посоветовал:

— А ты смотри не в профиль, а спереди. Вдруг я покажусь привлекательней?

— Нет, сбоку ты смотришься гармоничнее... Морские коньки, это ведь из твоей стихии, да?

— Из моей, — согласился Марко. — А еще в этой стихии водятся медузы «абажурки». С виду красавицы, но ядовитые, как кобры...

Мальчишки ухмыльнулись, а девочки этих слов новичку, разумеется, не простили...

Марко понимал, что со своими обычаями сойтись в «чужие лица» — себе дороже. Можно было, конечно, пойти на принцип, но... может, и правда, ранец — это для малолеток? Он поделился сомнениями с тетушкой Дарьей Григорьевной. Та без лишних слов повлекла его в ближний супермаркет и велела выбирать «то, что нравится больше всего». Марко выбрал сумку из коричневой искусственной кожи — простенькую, но современной формы (в общем-то, ему было все равно). И думал, что вопрос решен.

И правда, никто в классе о ранце не вспоминал, а на сумку будто и не обратили внимания. Зато стали клеить к Марко Солончуку *то самое* прозвище. Несколько раз на дню он слышал: «Эй, Морской конек, тебя записывать на экскурсию?» или «Морской конек, запали огонек...» — это когда трое шестиклассников задумали «посмолить» в туалете, а зажигалки не оказалось. Марко, не помышлявший о куреве никогда в жизни, так и сказал. И от того его «имидж» съехал еще на ступеньку... Наплевать.

И на прозвище Марко решил не обижаться. «Морской конек» — чем плохо? Правда, скоро его сократили просто до «Конька», но и это терпимо.

Пускай хихикают, если охота! Воображают себя черт знает какими продвинутыми, анекдоты про всякую эротику травят на переменах, а развитие, как у питекантропов. На викторине «Любимое чтение» Стивенсона путали со Стивеном Кингом, а Гайдара с режиссером Гайдаем. «Л-лицейсты...» Пушкин сбежал бы от таких друзей в Михайловское раньше срока...

«Ах, Лицей! Ах, престижное образование!» Конечно, можно учиться, когда тут все к твоим услугам. В поселковой школе всего десяток компьютеров, а здесь — чуть не на каждого ученика. В Интернет можно влезать по уши. Правда, учителя поглядывали, чтобы влезали по делу, а не за всякими глупостями. Зато сдувать готовенькие сочинения — это сколько угодно. А в Фонарях Серафима Андреевна за такие фокусы вяпывала старшеклассникам полновесные «пары». И при этом пренебрежительно морщилась: «Надо иметь свои, а не электронные мозги, господа...»

Здесь же «пары» вообще не ставили. Тройка была самая низкая и презрительная оценка. Потому что в поселковой школе использовали пяти-

балльную систему (министерство просвещения — имперское), а в Лицее — двенадцатибалльную («министерство освіти НЮШ»).

— Конек, у тебя семерка за изложение, с ненатуральным сочувствием извещала Зоя Карневская. — Инга Остаповна сказала, что грамотность — как в каменном веке...

— А у нее — как в глиняном...

Граматику «южной мовы» толком знали не многие, хотя язык был обязательным в лицейской программе. Как и язык «северных регионов», то есть Империи. В Фонарях дела обстояли проще. Там разрешалось учить один язык — по выбору. Правда, почти все школьники учили оба, но для аттестата можно было выбрать одну оценку, лучшую...

Кстати, Марко оба языка знал на «имперскую» пятерку, его хвалили и Серафима Андреевна, и Оксана Глебовна. Здесь дела пошлы похуже. Марко ли был виноват или учителя проявляли холодок по отношению к «приморскому Маугли»?

«Вы, Солончук, неверно пишете это слово!» — «Почему неверно? Оно всегда так писалось!» — «Вы полагаете, что здесь корень от северного «корабль», а на самом деле от южного «карбас» и писать следует через «а» — «карабельский»...

Дурь какая! Ему ли, жителю Побережья, не знать все, что касается кораблей и карбасов? В поселковой библиотеке есть даже словарь корабельных терминов и рыбацких наречий. На двух языках. Но в лицейской библиотеке такого словаря не оказалось, и Марко там — при библиотекаре и ребятах — в сердцах сказал:

— Академия... Скоро слово «грот-мачта» заставит писать через «и» с двумя точками...

Кто-то донес Инге Остаповне. Та на следующем уроке заявила:

— Мне стало известно, Солончук, что вас не устраивают правила нашего языка. Вы можете иметь любое мнение, но советую держать его при себе. Еще одно такое высказывание, и может встать вопрос о правомерности вашего пребывания в Лицее.

У Марко было тошно на душе. Он спросил:

— А можно прямо сейчас?

— Что... сейчас?

— Такое высказывание. Чтобы вопрос встал сразу...

Инга Остаповна сдержала эмоции.

— Нет, — сказала она. — Не надо искусственно выстраивать ситуацию. Думаю, в ближайшее время она возникнет естественным путем...

В ближайшее время ничего не возникло. Но и лучше не стало. Дни бежали за днями. На всякие

подначки Марко не обращал внимания, а сильной вражды не было. По крайней мере, на драки никто не нарывался.

Дарья Григорьевна и Герман Алексеевич о горестях племянника не догадывались. Да и что за горести? Вроде бы так, пустяки...

Конечно, Марко скучал по дому: по маме и Женьке, по прежним одноклассникам и ребятам с Маячной. По кудлатому Бензелю. Но связь работала нормально, старенький мобильник не отказывал, Марко звонил домой по несколько раз в неделю и узнавал, что «все у нас хорошо».

Хотя не все было хорошо. Отец далеко от дома (гораздо дальше, чем Марко), в Северных регионах. Его неожиданно призвали на сборы в имперские войска. На целых полгода. Он был офицером запаса, штабс-капитаном инженерной службы... Можно было бы заупрямиться и отказаться. Но тогда — еще хуже. По Южному краю снова комиссары нюшской «вийсковой армады», они утверждали, что здешние места — территория их государства. Мол, все мужчины, не служившие раньше в «армаде», могут быть призваны под рыже-салатные знамена в любое время. Увезут под конвоем, и не пикнешь. «Лучше уж под своим флагом», — рассудил штабс-капитан Солончук. Тем более что обещали полное офицерское жалование и почти штатскую должность техника-консультанта.

В Фонарях отец тоже работал техником, на местной электростанции, но зарплата делалась все меньше, выдавали ее нерегулярно. И что будет дальше — никто не знал.

Марко и отец уехали из дома в одно время и с той поры не бывали в Фонарях.

Наступили рождественские каникулы, но Марко и тогда не поехал в Фонари. Потому что в столицу, в гости к тетушке и дядюшке, прикатила Женья. Уговорила брата: «Побудь со мной, вместе погуляем по столице, ты ведь здесь почти старожил...» Ну, как откажешь любимой сестрице?

Разумеется, Марко не был столичным старожилом и многого еще не знал, не видел. Но... кое-что все-таки успел повидать. И многое нравилось ему: улицы с удивительными старинными домами, музеи, храмы над речной кручей, филармония, где можно слушать «живой оркестр», гигантские кинотеатры с панорамными экранами... Все это было замечательно. Особенно, когда рядом Женька.

А потом сестра уехала, Марко прокашлялся от слезинок и стал жить дальше. Порой печально было. Но сквозь печаль пробивались иногда и радости.

Струнки

В конце февраля уже по-настоящему пахло весной и маленькие белые облака неслись из-за реки, будто парусники во время регаты. Снега в садах почти не осталось... Весна — хорошо, но лицейский врач предупреждал, что «в этот период у детей переходного возраста возможно некоторое ослабление организма». Наверно, такое ослабление и случилось у Марко: иногда среди бела дня накатывала сонливость, порой подташнивало.

Однажды на уроке физкультуры прыгали через «коня». Марко был прыгун так себе. Не то, чтобы самый неумелый, но и явно не чемпион. И даже не середнячок. Когда подошла его очередь, внутри замерло от ожидания очередной неудачи. Среди дружков Фарика Сагайдака прошлестело: «Аттракцион: конек на коне. Рыба на кобыле...»

А вот фиг вам! Марко напрягнул мускулы, рванулся и с разгона перелетел через тугое «конское тело». Ладони отбил о твердую кожу, зато полет получился... не «как у рыбы», а «как у птицы»! Только вот на финише не повезло. Он упал коленями и руками на мат, левая рука сорвалась со стеганого края, локтем грянулся Марко о паркет. Такая боль... И тут же навалилось мягкое кружение пространства. Он даже не заметил, как сильные руки испуганного физкультурника подняли его на ноги.

— Солончук, ты что? Сильно ударился?

Еще бы не сильно! Будто молотком вделали по суставу!.. Но он проглотил слезы. Не хватало еще, чтобы снова захихикали...

— Ничего... Голова закружилась...

Никто не стал пересмеиваться, не отпустил шуточек. Ну, в самом деле, не злодеи же, обычные люди...

— Пойдем к врачу? — с досадливой ноткой спросил молодой Олесь Иязсламович (вот невезуха, пиши теперь докладную директору).

— Не-е... Можно я просто посижу? Сейчас пройдет...

— Посиди, хлопче, отдохни... — учитель с облегчением проводил его до «скамейки запасных».

Здесь, в углу у двери, отдыхал еще один человек. Вернее, отдыхала. Девочка по имени Юна Коринец. Появилась она в шестом «Г» всего две недели назад. Ничего, кроме имени и фамилии, Марко про нее не знал. (А вообще-то про кого он что знал?)

Здесь, в тени, ярко полыхали ее волосы.

Это были изумительные волосы. Золотисто-апельсиновые. «Рыжая, будто клоун...», — сочи-

ли языки девицы вроде Зоськи Карневской. «Впечатляет...», — сдержанно признавали оригинальность Юны мальчишки. Но она держалась тихо, ни с кем не заводила знакомств, разговаривала вполголоса. «Принцессу из себя строит», — вынесли приговор шестиклассницы. Хотя никого она не строила. Сразу после уроков спешила к выходу и уезжала на потертом «Рено» с худым пожилым дядькой — то ли отцом, то ли шофером.

Кстати, Марко тоже мог бы приезжать и уезжать на иномарке, на дядюшкином «Шевроле». Герман Алексеевич не раз это предлагал, но Марко упрямо ходил пешком — не такой уж далекий путь. Дома от Маячной до школы дорога была длиннее...

Ну вот, она уезжала, полыхнув за стеклом волосами, и... Да ничего не «и», уезжала, вот и все... А в классе Марко на нее почти не смотрел.

Но сейчас посмотрел, потому что надо было сесть рядом.

Юна подвинулась. Но далеко не подвинешься, скамейка была короткая, на двоих. Марко сел на край. Прислонился затылком к холодной стене. Глубоко вдохнул и выдохнул. Голова уже не кружилась. Только локоть болел...

Они с Юной молчали и смотрели перед собой. Словно отгороженные от всего зала прозрачным стеклом.

А друг от друга? Тоже отгороженные?

Наконец Марко искоса глянул на Юну.

В шестом «Г» у всех была одинаковая спортивная форма: ярко-зеленые майки и белые шортики («Как у Икиры», — иногда вспоминал с усмешкой Марко). А Юна сидела здесь в тренировочном костюме. Темно-синий трикотаж обтягивал острые коленки. Марко снова быстро взглянул на нее, и она — в ту же секунду — посмотрела на него. Кажется, чуть-чуть улыбнулась. Марко отвернулся и вытянул губы дудочкой, чтобы тоже не улыбнуться. Но теперь сидеть истуканом и молчать было неловко. Он спросил полушепотом:

— А ты почему не прыгаешь? Тоже покалечилась? — (Вот идиот-то!).

— Не-е, — ответила она так же тихо. — Просто у меня своя спортивная программа...

— Где? В спортшколе?

— В театре. Там гимнастическая секция. Специальная...

Марко повернул к ней голову. Теперь можно было беседовать попросту, без смущенья. Потому что и правда интересно.

— В каком театре?

— Ну, в том, что приехал сюда на гастроли. Имени Гоголя.

— А! Из Ново-Византийска... Я видел афиши. «Собор Парижской Богоматери», «Яблони на Марсе»...

— Да. Еще «Морской водевиль»...

— Значит... ты артистка?

Она опять слегка улыбнулась:

— Ну, что ты. Мама и папа артисты. А я... так, иногда в массовках...

Марко подумал: что еще сказать? Не придумал, сказал просто:

— Юна...

— Знаешь что? — шепнула она. — Лучше «Юнка». Все так зовут, дома и в театре...

— Ладно... — выдохнул Марко. И спросил:

— Наверно, это интересно, когда на сцене? Пускай даже в массовке...

Она сразу согласилась:

— Конечно, интересно. Всегда замирание такое в душе. И праздник...

— Наверно, там смелость нужна... специальная... Вот я бы точно окостенел от страха.

— Я сперва тоже костенею... А потом появляется навык. И у тебя появился бы...

— Да я никогда не собирался в артисты! Просто так сказал...

Ее бирюзовые глаза весело блеснули.

— А я, когда увидела, как ты прыгаешь, знаешь что подумала?

— Знаю. «Мешок с опилками»...

— Совсе нет! У тебя замечательно получилось. Ты же не виноват, что рука соскользнула... Я подумала, что тебе подошла бы роль Маугли...

— А! Потому что дразнят «Приморский Маугли», да? — горьковато усмехнулся Марко.

— Совсе нет!.. А разве тебя так дразнят?

— Сначала дразнили... Ну да, тебя тогда еще не было! А потом осталось прозвище «Морской конек»... Или «Конек-горбач»...

Зачем он это ей говорил? Накипело? Или потому, что она слушала с пониманием?

— «Конек» мне нравится, — шепнула она. — И «Морской» тоже... А «Горбач» я даже не слышала.

— Это иногда... Из-за моей сутулости... И Маугли из меня, как мачта из хоккейной клюшки...

— Совсе нет у тебя сутулости! А про Маугли я подумала, потому что ты... динамичный... и вон какой загорелый. Самый смуглый из всех мальчиков...

Она прошлась глазами по его ногам — длинные апельсиновые ресницы словно щекотнули кожу. Марко застеснялся и потрогал ушибленный локоть. Деловито объяснил:

— У нас на Побережье все такие. Почти круглый год на солнце...

— Я и говорю, как в Индии, — снова тихонько посмеялась Юнка. И щекотанье пушистых ресниц будто опять пришлось по Марко — теперь от шеи до кроссовок. Он сильнее потискал локоть.

— Все еще болит? — шепнула Юнка.

— Ага, — сказал Марко. Потому что локоть и правда болел.

— Сильно?

— Ну... средне...

— Дай-ка... — Юнка села к Марко боком и взяла его голый локоть в маленькие мягкие ладони. — Не шевелись и не дыши громко...

Марко замер. Даже прикрыл глаза. Колючая боль в локте как бы пригладилась, из острого кубика превратилась в похожий на абрикос шарик. Стала слабеть, слабеть. Из абрикоса уменьшилась до ягоды крыжовника, до бусины... растаяла совсем...

— Ох... как это ты? Белая магия, да?

— Никакая не магия. По-научному называется «мануальная терапия». А дядя Фома, который меня научил, говорит: «Живые струнки». Это у нас в театре старый рабочий сцены, его все любят... Он объяснил, что надо представить, будто твои ладони сделались большие и очень теплые, когда кладешь на больное место. И будто в них начинают дрожать струнки. Надо только, чтобы такие же струнки отозвались в том, кого лечишь. Зазвучали в резонансе...

— Значит... у меня зазвучали?

— Не болит больше?

— Не-а...

— Значит, зазвучали.

— А я и не заметил.

— Это не обязательно. Главное, что резонанс...

— Есть такая Теория струн, — сказал Марко. — Не все ученые ее признают, но по-моему, она правильная... Будто вся Вселенная это бесконечное количество струн. Каждая микрочастица — струнка. И от их звучания зависит в мире абсолютно всё. Если добиться, чтобы звучание стало согласованное, получится... ну, в общем на всем белом свете станет хорошо... Я читал это на сайте «Тайны мироздания»...

— А как добиться, чтобы... все согласованно?

— Кабы знать, — умудренно сказал Марко. И вдруг опять застеснялся: о чем еще говорить? Спросил наобум:

— А ты зачем ходишь на физкультуру, если все равно не занимаешься?

— Велят. Говорят, чтобы не снижать «уровень посещаемости».

— Бред какой-то... Юнка... а ваш театр долго будет в столице?

— Еще две недели.

— Жалко.

— Что жалко?

— Ну... что так мало... — выдохнул Марко и проклял себя за способность смущаться не вовремя. И, чтобы спрятать смущенье, насупленно сказал о другом:

— А вы... у вас во время поездок тоже бывают спортивные занятия?

— Когда как... Только я сейчас все равно не упражняюсь. Некоторое время...

— Почему?

— Потому что... — она почесала о плечо остренький подбородок и дурашливо призналась: — Я нынче тоже немного покалеченная, ты правду сказал... Вернее, обострение старой травмы...

— А... что случилось? — пробормотал Марко.

— Осенью упала с турника и вывихнула плечо... Ну, в общем-то, ничего страшного, вправили, заlechили. Но иногда вдруг начинает болеть. По старой памяти...

Юнка куснула нижнюю губу и осторожно пошевелила плечом. Не тем, что рядом с Марко, другим.

Он сразу сказал:

— Что? И сейчас болит?

— Маленько...

Надо было решать мгновенно. А то увязнешь в дурацкой стыдливости и... получится, что он оставил девочку в беде. Марко обмер и выговорил:

— Дай... я попробую...

— Что?

— Ну... убрать боль. Как ты... — И заколотилось сердце.

Она могла сказать: «Да ну тебя...» Или «У тебя не получится, уметь надо...» Или «Не надо, не так уж и болит...» Или... да всё, что угодно. Она вздохнула чуть заметно:

— Попробуй...

Наверно, сильно болело.

Марко... он как бы выключил в себе все чувства. Механически, будто робот, пропустил левую руку за Юнкой шей (рыжие волосы защекотали уже не болевший локоть), положил ладонь на тонкое, как у птицы плечико — оно слегка дрогнуло под трикотажем. А правую руку протянул поперек ее груди. Замком сцепил пальцы на Юнкином плече. И... ничего не получилось. Не было ни тепла в ладонях, ни дрожания струн. И он понял, что боль в Юнке так и сидит — безжалостная и равнодушная.

Потому что нельзя было *выключать* себя! Нельзя бояться. Если взялся защищать кого-то, забудь про всякие страхи. Помни только про тепло

в ладонях... И про то, что девочке не должно быть больно. Она же помогла тебе. А ты...

Надо было представить что-то хорошее. Доброе. И Марко вдруг представил дрожащую лунную дорожку на поверхности залива и стрекот цикад. И будто он с Юнкой не на скамейке, а на плоском, нагретом за день камне у самой воды. Здесь, в ласковости летнего вечера, не было места для боли. Он этой боли велел: «Уйди... растай...»

Чуть ощутимые струнки ожили под кожей ладоней. И... отозвались на плече у Юнки, под натянутым трикотажем. Или показалось? Нет, не показалось.

— Ой... — шепотом сказала Юнка.

— Что? — испугался он.

— Не болит, — выдохнула она. — Перестало. Ты... как дядя Фома.

Марко обрадовался, расслабился, и даже проскользнула одна посторонняя мысль — что волосы Юнки пахнут апельсинами.

— Давай еще немного...

— Ладно, — шепнула она.

Струнки щекочуще дрожали в ладонях.

И вдруг раздался — будто грянул с высоты — голос физкультурника:

— Солончук, вы зачем на скамейке запасных?! Чтобы отдохнуть? Или чтобы обниматься?

Олеся Изяславовича знали как известного спортсмена, чемпиона НЮШа по тяжелой атлетике. Но как педагог он был туповат и хамоват. Сейчас он, кажется, рассчитывал на одобрение и гогот шестиклассников. Однако было тихо. Надолго ли тихо? Марко не вспыхнул, не вздрогнул, не съжился. То есть, он, может быть сделал это внутри себя, но лишь на миг. А внешне сохранил железное спокойствие. Потому что лишь спокойствие могло спасти его. И Юнку.

Он убрал руки с Юнкиного плеча. Сел прямо, обнял колено. Глянул на учителя. Сказал очень ровно:

— Нет никаких обьятий. Это мануальная терапия. У Юнки болело плечо, и я ей помог. Вот и все.

Класс молчал, и это слегка обескуражило физкультурника.

— Вот как, — хмыкнул он. — А мне показалось...

Марко сказал прежним тоном:

— Кто как думает, тому так и кажется. Если у кого-то гадости в голове...

Олеся Изяславович встрепенулся:

— А не прогуляться ли вам к директору? Терапевт...

— Директор на конференции, — напомнил Марко. — О повышении всяких уровней...

— Ваше счастье... — слегка сдал позиции физкультурник. Но Марко не сдал. Закипала досада.

— Нас учат, что счастье надо делать своими руками, — заявил он. — Вы должны это знать, вы же чемпион.

— Я-то да, — согласился Олесь Изяславович. — А вы, боюсь, никогда им не станете. Не тот волевой настрой.

— В штанге точно не стану. Есть спорт, где важны не столько мускулы, сколько голова, — выдал Марко. Он ждал, когда физкультурник взорвется. Но тот проявлял терпение (наверно, его удивляло молчание шестого «Г»).

— В шахматах вы наверняка преуспеваете, — заметил он.

— Не только в шахматах...

— Любопытно, в каком еще виде спорта?

— В парусном, — нагло сказал Марко.

На самом деле он ходил под парусом всего два раза. На стареньком яле-четверке, со Слоном. Тот возил продукты отцу, который рыбачил с артелью в Желтом лимане. Слоны брал, кроме Марко, еще нескольких ребят — Пикселя и Топку, маленького Икиру и увесистого Фимку Кранца («для остойчивости судна»). Ветерок был в меру свежий, слегка брызгало, слегка кренило, но в общем-то никакого риска, одна радость. А неподалеку бежал ялик тетушки Матрены и ее племянницы Оксанки, так что получилось вроде соревнований (тетушка и племянница их обогнали).

— Престижный вид, — язвительно заметил педагог-чемпион. — Нам не по карману. Вы, наверно, сын крупного бизнесмена?

— Похоже, что да, — снисходительно согласился Марко. — Мой папа совладелец акций Бахчунских рудников...

У отца и правда были акции — две или три. Но здесь кто их станет считать...

Одноклассники по-прежнему молчали. Похоже, что сейчас уважительно...

Звонок оборвал дискуссию...

В коридоре Юнка сказала:

— Я боялась, что он тебя с треском выгонит.

— Я тоже, — признался Марко. — То есть не боялся, а ждал... А как плечо? Не болит.

— Нисколько! И теперь долго не будет болеть... Может быть, больше никогда...

После того случая Марко и Юнка вели себя по-прежнему. Здоровались утром, но потом не подходили друг к дружке. Марко опять сдерживала дурацкая стеснительность, а Юнку... ну, кто знает, что чувствовала Юнка.

А в субботу после уроков она подошла и обыкновенно так, будто лишь недавно беседовали, сказала:

— Конек, у меня есть билет на завтра в Детский дворец искусств. Там праздник «Приход весны». Будут всякие выступления, и наша труппа тоже...

— И ты будешь?!

— Ну... чуть-чуть. Пойдешь?

— Ладно!.. То есть спасибо.

Телескоп

Вместо дурацкого лицейского сюртука Марко надел черную вельветовую рубашку с нашивкой-корабликом и белым воротничком. Давнюю. От нее пахло водорослями Тарханайской косы.

Дядюшка отвез его к Дворцу на своем «Шевроле» (было далековато).

— Спасибо, дядя Гера! Обратно я сам...

Юнка встретила его у входа. Сунула еще один билет.

— Это мой. Место рядом с твоим, никому не давай садиться, говори, что занято. — И убежала в служебную дверь.

Марко разделся, прошел в зал, места оказались в первых рядах. Он сел, вдыхая театральные запахи.

Ждать пришлось недолго. Труппа театра имени Гоголя выступала первой — сразу после нескольких праздничных речей (о том, что скоро весна, и о том, как счастливы дети Независимых Южных Штатов). Давали сцену из «Принца и нищего». Были эти принц и нищий крупноваты и толстоваты — наверно, их взяли на такие роли, потому что очень похожи друг на друга. Да Марко на них почти и не смотрел. Смотрел на Юнку. Она играла мальчишку-пажа из королевской свиты. Роль самая второстепенная, но у Юнки паж получался живой такой, вертлявый, то и дело нарушающий придворный этикет. Ему (то есть ей) хлопали. Марко, наверно, больше всех...

Несколько раз Юнкино место хотели занять всякие посторонние, но Марко решительно говорил:

— Извините, занято.

Его слушали... Потом опустился занавес и сразу примчалась Юнка. В своем театральном наряде. Никого это не удивило, потому что в зале было немало ребят в карнавальных костюмах. А еще — всякие пестрые танцоры из детских ансамблей.

Юнка откинулась в кресле, дрыгнула обтянутыми красным шелком ногами и друшливо общилась:

— Ну, ничего у меня не получается на сцене...

— Наоборот! Во как получается! — Марко вскинул большой палец, будто Цезарь, дарующий жизнь гладиаторам.

Юнка мотнула рыжими волосами и пером на берете.

— Ты меня утешаешь из великодушия... из рыцарских чувств.

— Я не рыцарь, я «конек», — сказал Марко.

— Рыцарь с морским коньком на щите, — уточнила Юнка.

Это понравилось Марко. Он стал думать, что ответить, но тут сзади добродушно попросили:

— Хлопец, сними свою чепу, перо закрывает полсцены.

Юнка не стала уточнять, что она не «хлопец», только строптиво заметила:

— Там еще нечего смотреть. Занавес...

— Мальчик, не спорь со старшими, — хихикнул Марко.

Юнка сняла бархатную «чепу», мазнула Марко пушистым пером по носу, надела берет на вздернутое колено. «Все еще не вышла из роли», — подумал Марко. Поднялся занавес, и мальчики в белых атласных рубашках запели «Аве Мария». У Марко всегда при этой мелодии холодели щеки. Юнка тоже притихла...

Потом было много разных номеров: и хоровые выступления, и отдельные певцы, и танцы. И все это нравилось Марко, хотя и меньше, чем «Принц и нищий» с пажом и «Аве Мария».

А после всех играл струнный квартет (понимаете, *струнный!*).

Два мальчика и две девочки возрастом вроде Марко и Юнки. Виолончель и три скрипки: две обыкновенные и одна побольше (кажется, ее называют «альт»). Как называлась музыка и кто композитор, Марко не расслышал. Вернее, тут же забыл. Но мелодию запомнил надолго. Может быть, навсегда. Объяснить ее словами было нельзя, она просто брала за душу. Со смесью грусти, тревог и ожидания радости... Юнка положила свою ладонь на запястье Марко... Потом все вдруг шумно захлопали. Ненормальные! Здесь нужна была долгая тишина...

Громкоголосая, похожая на полную стюардессу дама объявила со сцены, что концерт окончен, однако праздник продолжается. Скоро в этом зале состоится конкурс карнавальных костюмов, а в фойе и других помещениях — разные другие конкурсы. Выбирайте по вкусу!

— Твой костюм возьмет первое место, — пообещал Марко.

— Вот еще! Он вовсе не мой, а... театральный реквизит. Подожди меня, я скоро...

Юнка убежала и через пять минут вернулась уже не «театральная». Но все равно праздничная! В желтом кружевном платице, золотистых колготках, блестящих туфельках. «Была паж, стала фея...» — подумалось Марко. Но сказать это он не решился и вдруг брякнул:

— А плечо... больше не болит?

Она не удивилась.

— Нисколечко... Пойдем отсюда, здесь одни малыши... А где-то будет книжкин конкурс...

Конкурс юных читателей проводили в малом зале. Хотя и «малый», а вместил человек двести. На стенах и на кулисах — громадные книжные обложки с Буратинами, Робинзонами, мушкетерами, Тарасом Бульбой и мумми-тролями. Марко и Юнке удалось пробраться к сцене поближе. На ней — длинный стол. Перед столом шагал круглый дяденька в тугих штанах, белом жилете и черном цилиндре. Убедившись, что в зале полно народа, он весело вскинул руки.

— Уважаемые книголюбы! Вы на меня смотрите и думаете: кто же это такой? Но вы сразу поймете, если я назову себя! Я... мистер Пикквик! Из очень знаменитой книги... Какой?

Он умолк, ожидая, что дружные крики в зале будут ответом на простенький вопрос. Зал безмолвствовал. Сценаристы конкурса переоценили знания нынешних лицестов, гимназистов и прочих столичных школьников. Лишь в задних рядах кто-то пискнул:

— Гарри Поттер...

Несколько человек засмеялись.

— Нет, нет, друзья мои! Эта книга — «Посмертные... записки...» Ну же, ну, смелее!.. «Пикквикского клуба!» А сочинил ее прекрасный английский писатель... — Мистер Пикквик опять замер в ожидании.

— Гарри Поттер... — пискнул всё тот же голосок.

Теперь не было даже смешков. Только глубокое молчание. Казалось, мистер Пикквик худеет на глазах. Марко стало неловко за него. Надо выручить. Он даже дернулся вперед. Но, конечно же, дурацкое смущенье прижало его к стулу. Как это: кричать на весь зал. Это ведь Юнка хотела участвовать в конкурсе, а не он.

— Марко, скажи, — шепотом велела Юнка. — Ты знаешь.

— Лучше ты скажи. Ты тоже знаешь.

— Я хочу, чтобы ты...
— Почему?
— Ну, я очень хочу... Конек...
— Ей, кажется, в самом деле хотелось этого. Почему? Поди пойми. Спрятаться бы под стул. Но...

Марко встал и даже поднял руку. Сказал не очень громко, но отчетливо:

— Чарльз Диккенс.

Мистер Пикквик возликовал, будто выиграл миллион. Завопил клоунским голосом:

— Ура-а! На этот сложный вопрос ответил мальчик с третьего ряда! В черной рубашке! Мальчик, иди сюда!

— Зачем? — оторопел Марко.

— Иди, — строго подтолкнула его Юнка.

Что делать-то, он пошел, сутулясь пуще обычного.

— Сюда, сюда, ко мне, — торопил Пикквик. Пришлось подняться по лесенке. Мистер Пикквик повернул его лицом к залу.

— Как тебя зовут, юный знаток мировой классики?!

— М... Марко...

— Погромче, пожалуйста!

— Марко! Солончук! — пришлось выдать на весь зал. Но в этот зал он смотреть боялся, смотрел на свои начищенные ботинки.

— Прекрасное литературное имя! Была такая замечательная писательница с мужским псевдонимом, Марко Вовчок. Многие, конечно, слышали о ней...

«Ага, слышали они...» — Марко наконец глянул на зрителей. Но они сливались в размытую массу. Только на третьем ряду пламени Юнкины волосы и отчетливо было видно ее веселое лицо с бирюзовыми глазами. Марко перестал бояться. «Пусть. Если ей так надо...»

— Садись за стол! — велел неугомонный Пикквик. — Ты будешь первым в десятке финалистов, которые станут бороться за главный приз. А пока — новый вопрос!...

Новый вопрос был попроще. Что-то про Незнайку. Потом — о Робинзоне. Нашлись знающие люди, и не по одному. Правда никто не слышал про Виктора Гюго и его юного героя из романа «Отверженные». Пришлось опять спасать Пикквика.

— Гаврош, — сказал Марко из-за стола. Теперь он чувствовал себя спокойно, потому что здесь же сидели еще несколько финалистов. А с третьего ряда бодро и понимающе улыбалась Юнка.

— Молодец, — восхитился персонаж Диккенса. — Ты, Марко, у нас явный лидер. Но это — пока! — Он поднял пухлый палец. — Посмотрим, что будет в финале.

В финале было то же самое — вопросы и ответы. Но отвечали только те, кто оказались на сцене. Зал переживал и аплодировал; и Юнка аплодировала, когда Марко опережал соперников. Опережать было не трудно...

За столом собрались десять финалистов — очень разные ребята. И маленькие, лет девяти, и старше Марко — лет по пятнадцати. Марко не очень к ним приглядывался. Он только пожалел девочку (класса из третьего), которая пустила слезу, не сумев ответить, кто такой был Гудвин в книжке «Волшебник Изумрудного города»...

Финалисты один за другим выбывали из игры. Не очень огорчались, потому что каждый получал приз: кто «Трех мушкетеров» в позолоченной обложке, кто коробку с красками, кто куклу в пышном платье, кто большущего пластмассового клоуна с улыбочивой рожницей... Наконец остались два претендента на главную премию: Марко и паренек постарше, класса из восьмого-девятого. С большим, покрытым прыщиками носом и в круглых очках. Звали его Андрон. Марко смотрел на него с симпатией («Сразу видно, что профессор»), но и с грустным пониманием: «Здесь мне крышка».

Мистер Пикквик пригласил из-за кулис девицу в костюме Красной шапочки.

— Садись, голубушка к столу, возьми бумагу и карандаш. Станешь отмечать результаты последнего турнира. После правильного ответа ставь у имени участника галочку. А вернее — чайку! Да! Потому что турнир — ха-ха! — будет корабельный! Участники по очереди должны называть имена парусных (только парусных!) кораблей, которые помнят по книгам. Посмотрим, кто лучше знает путешествия и приключения! Ну-с, бросим жребий: кто первый!

Жребий был — два бумажных шарика. Одна бумажка чистая, другая с «чайкой». Шарик бросили в цилиндр мистера Пикквика. Андрон вежливо уступил очередь сопернику, и Марко вытянул пустую бумажку.

Мистер Пикквик почему-то поаплодировал:

— Прекрасно! Встали по бокам от меня и... начали!

— Корабль Язона «Арго», — сообщил Андрон (знаток, елки-палки!) — Он был с веслами, но и, судя по некоторым изображениям, с парусом тоже.

— Великолепно! — завопил Пикквик. И затем все усталились на Марко.

— «Виктория». Из книжки «Трафальгар»... — сказал тот. И опять глянул на Юнку. Она улыбалась.

— Bravo!.. — подскочил Пикквик.

— «Дункан» из «Детей капитана Гранта», — сделал новый ход Андрон.

— «Британия». Оттуда же, — не остался в долгу Марко.

— Шхуна-бриг «Пилигрим» из «Пятнадцатилетнего капитана»...

— Бриг «Форвард» из «Путешествий капитана Гаттераса»...

Андрон усмехнулся:

— Яхта «Беда» из «Капитана Врунгеля»...

— «Арабелла» из «Одиссеи капитана Блада»...

— Шлюп «Надежда» из повести «Первые российские мореплаватели».

Марко такой повести не помнил, но храбро сказал:

— Шлюп «Нева», из той же книжки. — В самом деле, где «Надежда» Крузенштерна, там и «Нева» Лисянского!

— Корабль Лаперуза «Астролябия». Из книги «Водители фрегатов», — сказал Андрон. И, кажется, решил, что обставил соперника. Снисходительно улыбнулся. Но Марко тоже знал этих «Водителей».

— Второй корабль Лаперуза, «Буссоль»...

Они с Андроном хорошенько перетрясли в памяти всю эту книгу о путешествиях и вспомнили еще с десяток названий. Затем перешли на историческую повесть «Ветры с Босфора», где бриг «Меркурий», турецкие линкоры и несколько судов русской эскадры...

Потом Андрон вспомнил какой-то английский роман про морскую войну Британии и Франции в конце восемнадцатого века. Выдал полдесятка названий. Про эту книгу Марко даже не слышал, но недавно он читал «Жизнь моряка» знаменитого капитана Лухманова. Там тоже хватало всяких кораблей...

Мистер Пикквик только хлопал глазами. Видимо, он не знал и половины таких книг и парусников.

Кстати, было бы совсем не трудно надуть его, придумав небывалые романы и корабли. И ни Красная Шапочка, ни читатели в зале не заподозрили бы никаких фантазий. Но... паруса не терпят обмана, Марко это знал. Вернее, ощущал. Всегда. И Андрон, видимо, тоже...

— Корвет «Коршун», — сказал Андрон. — Из повести Станюковича.

— Корвет «Голубчик». Тоже из Станюковича, — вспомнил Марко рассказ «Нянька». И... вдруг понял, что больше ничего из Станюковича вспомнить не может, хотя читал у него толстенный сборник рассказов. На каких кораблях плавал негренок Максимка? Как назывались шхуна и тендер в

рассказе «Пари»? Будто кто-то в мозгах нажал на тормоза...

— Судно «Антилопа», на котором отправился в плавание Лемюэль Гулливер, — услышал Марко, будто издалека.

— Ну-с, Марко Солончук, ваше слово! — поторопил мистер Пикквик. Видимо, он боялся, что состязание затянулось.

В голове у Марко была пустота. И он помотал этой головой с ощущением полной потери.

— Ну, что же! — воскликнул Пикквик (похоже, что с облегчением). — Андрон вышел победителем! Но... у него перевес всего в одно очко. А по условиям турнира, чтобы получить главный приз, надо обладать преимуществом не меньше, чем в два очка. Иначе эта большая премия останется у нас до следующего состязания, а соперники получат одинаковые призы! И так... Андрон, вы можете назвать еще какой-нибудь корабль из книги?

Зал притих. Марко в зал не смотрел, чтобы случайно не встретиться глазами с Юнкой. Он не чувствовал стыда за поражение, не испытывал досады, но понимал, что Юнке обидно за него.

Андрон снисходительно сказал:

— Я могу перечислить корабли нахимовской эскадры из эпопеи Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». И десяток судов из книги «Конкистадоры». Я держал их про запас...

Марко ощутил облегчение. Значит, он проиграл не случайно. Конечно, сейчас он сразу вспомнил и кое-какие нахимовские корабли, и каравеллы флибустьеров, но ясно же, что «профессор» Андрон знал их не в пример больше... Все справедливо.

— В таком случае Андрон заслуженно объявляется полным победителем турнира, — сообщил мистер Пикквик с некоторым утомлением. И встряхнулся. Закричал голосом телеведущего: — Призы на сцену!!

Девочка в костюме Пеппи Длинныйчулок вынесла на вытянутых руках большую шахматную коробку. Мальчик в одежде юного витязя с натугой вытащил полированный деревянный чемодан.

Мистер Пикквик несколько торопливо, но с пафосом возвестил, что Марко Солончук был достойным участником корабельного турнира, проявил великолепные знания и получает замечательные шахматы из карельской березы. А главный победитель, Андрон Тарашенко, награждается телескопом «Сириус»!

В зале шумели и хлопали. Марко взял у Пеппи коробку, бормотнул спасибо, глянул на мис-

тера Пикквика. Тот поздравлял Андрона. Андрон был сдержан, не показывал большой радости. Кажется, хотел что-то сказать. Но Пикквик сделал шаг назад и широко раскинул руки — дал понять, что награжденным пора спуститься в аплодирующий зал. Марко спустился по левой лесенке, Андрон стащил деревянный футляр по правой.

«Даже руки не пожали друг другу», — мелькнуло у Марко.

Юнка встретила его очень бодро:

— Какой ты молодец! Можно посмотреть шахматы?

В вестибюле, на широком подоконнике, они открыли клетчатую коробку. Фигуры были большие, узорные. Одни — лаково-черные, другие — желтоватые, с кудрявым древесным рисунком.

— Это и есть карельская береза, — значительно произнесла Юнка. Потом глянула Марко в лицо: — Ты что, не рад? Обидно, что не первый приз? Да этот ничуть не хуже!

— Обидно, что дырявая голова, — признался Марко. — Сейчас в ней прыгают сотни корабельных названий, а там — будто мешком стукнули...

— Так оно и бывает, — посочувствовала Юнка. — Это ведь вроде лотереи: кому что выпадет в короткий момент... — Она вертела в пальцах светлого короля. Вдруг еще одни пальцы осторожно взялись за фигуру.

— Позвольте посмотреть...

Это подошел Андрон!

Что ему надо?

Андрон вернул короля Юнке, поправил очки и взглянул на Марко:

— Скажите, Марко, вы не могли бы уделить мне две минуты?

Надо же, «вы»!..

Он был выше Марко чуть не на голову, но смотрел нерешительно. Марко губами сказал Юнке «подожди» и отошел с Андроном, который оставил рядом с Юнкой свой чемодан-приз. Они оказались у другого окна, здесь было малоллюдно.

Андрон ладонью прошелся по своей прическе-ежику.

— Понимаете... судьба нынче что-то напутала. Я всю жизнь занимаюсь шахматами и всегда хотел иметь такой вот шахматный набор... Я увлекаюсь и астрономией, но телескоп «Сириус» у меня уже есть. Я предлагаю деловой обмен.

— Это как? — сказал Марко, хотя понял сразу.

— Это просто и справедливо. Вы мне — шахматы, я вам — телескоп. Я хотел это предложить прямо на сцене, но ведущий так спешил...

— Ну... я не знаю...

— А чего тут знать и не знать!.. Или телескоп вас вовсе не интересует?

Марко очень интересовал телескоп! До сих пор он смотрел на звезды и луну только в морской бинокль, который иногда выносил на улицу Слон. Было здорово!

А этот «Сириус»... небось приближает светила в сто раз!

— Решайте, — сказал Андрон

— Как-то... несовместимо... — пробормотал Марко. — Телескоп, он же дороже...

— Марко! Мы же не бизнесмены и не на ярмарке! Вы не хуже меня понимаете, что истинная ценность вещей исчисляется не деньгами! А человеческим интересом...

Марко это понимал. И... он как бы увидел звездное небо, которое удивительно распахнулось и придвинуло себя к Марко, сияя галактиками.

— А вы это по правде? — сказал он.

— Странный вопрос... — Андрон снял очки и почесали ими кончик носа. Его глаза стали маленькими и оказались близко от переносицы. И... Марко подумал, что некрасивые люди иногда бывают очень симпатичными. Он честно сказал:

— Я подумал, что вы меня, может быть, просто пожалели... Заметили, что я расстроился, ну и вот...

— С какой стати!.. Я не заметил, что вы расстроились. И к тому же, вы не девочка, которая плакала из-за Гудвина... Ну так что? По-моему, всякая ситуация должна иметь логическое завершение.

— Ладно... пусть имеет, — стыдливо выговорил Марко. — Если у вас правда уже есть телескоп...

— Честное слово!.. — Андрон ухватил Марко за плечо, в два счета доставил его к Юнке, захлопнул и ухватил с подоконника шахматную коробку.

— Девочка, мы с ним поменялись! — И почти скачками удалился в сторону гардероба, затерялся в толпе...

— Мы... правда поменялись, — пробормотал Марко. — Он сам... заставил. Говорит, что у него уже есть «Сириус»...

Юнка не удивилась. Будто ждала этого заранее!

— Вот и замечательно! Я сразу поняла, что он шахматист...

— А как я потащу домой эту бандуру? Дяде Гере я сказал, что пойду пешком, а теперь... — Марко ногой качнул футляр телескопа.

— А ты где живешь?

— На Михайловском спуске...

— Это же недалеко от нашей гостиницы! Сейчас придет папа, мы тебя отвезем!

— Жалко, что еще день. А то поставили бы телескоп на подоконник и давай глядеть на луну. Она сейчас почти полная, как раз над ближними крышами... Слушай, приходи ко мне вечером!

Юнка пришла. До этого Герман Алексеевич — немногословный и умелый — помог племяннику настроить незнакомый прибор.

— А где объектив? — удивился Марко.

— Это телескоп-рефлектор. Здесь главная деталь не линза, а зеркало внутри трубы. А смотреть надо в этот окуляр, сбоку...

— Ой, все верх ногами! — удивился Марко, увидев очень дальнюю колокольню Преображенского собора. Она была теперь перед носом, но перевернутая.

— Потому что астрономический прибор. Для звездочетов неважно, где верх, где низ...

Когда смотрели с Юнкой на Луну и на золотой шарик Юпитера со спутниками, это и правда было неважно. В космосе нет верха и низа. В космосе... там вообще много непонятного... Они по очереди прищипывали к окуляру, иногда нетерпеливо отодвигали друг друга висками. Марко опять подумал, что Юнкины волосы пахнут апельсинами...

Потом небо затянула облачная пленка.

— Ладно, завтра еще посмотрим, — утешил Юнку (и себя) Марко.

Юнка сказала:

— Завтра утром мы уезжаем. Весь театр...

— Почему? Ты же говорила: через две недели...

— Изменился график. Столичное начальство сказала, что помещение нужно для какой-то предвыборной кампании.

— Идиоты...

— Что поделаешь...

Марко ощутил печаль и... облегчение. Потому что он уже не раз думал, как станет с грустью считать дни до Юнкиного отъезда. Который *все равно* рано или поздно случится. И после которого они вряд ли скоро увидятся. Кто знает, может быть, не увидятся вовсе. Или в ту пору, когда будут совсем другими...

Оставалось только сказать одно. И он сказал храбрым голосом:

— Ладно. Я тебе напишу письмо. А ты мне. Хорошо?

Она отозвалась ласково так:

— Смешной. Кто сейчас пишет письма? На это и времени нет. Запиши номер мобильного...

— А ты мой!

— Зачем? Ты позвонишь, я сразу отвечу...

Мобильник Марко оказался разряжен, пришлось писать карандашом. И Марко вывел цифры на кромке футляра от телескопа. Оттуда номер никуда не денется, не на бумажке...

Марко пошел проводить Юнку до гостиницы (а Герман Алексеевич — их обоих, на всякий случай). У дверей Юнка и Марко подержали друг друга за ладони.

— Плечо не болит? — спросил Марко.

— Нисколько.

— Ну, пока...

— Пока...

Марко решил позвонить Юнке на следующий день, после занятий. Будет здорово: она едет в поезде — и вдруг сигнал. «Юнка, привет!» — «Марко, привет!» — «Как ты там?» — «Все хорошо... только...» — «Что?» — «Ну, немножко грустно...» — «Мне тоже... Знаешь что?» — «Что?» — «Я вечером буду смотреть в телескоп и думать... что ты рядом. Можно?» — «Конечно можно! А я буду смотреть в вагонное окошко на Луну и думать, что ты... тоже...»

Конечно, такой разговор на самом деле состояться не мог. У Марко язык задубел бы от неловкости. Но перекинуться несколькими-то словами можно!...

Оказалось, что и это нельзя!

Марко открыл футляр телескопа, чтобы написать номер в мобильник, и проклял себя. Вчера он торопился и теперь увидел, что последняя цифра номера получилась абсолютно неразборчивой. Видимо, обломился грифель. От него осталась еле заметная царапинка. И Марко совершенно не помнил эту цифру.

Он сел на край тахты, вытянул губы дудочкой и завыл (про себя, конечно). И только через пять минут сообразил, что ничего страшного нет. Можно звонить, подставляя в конце номера все цифры, одну за другой. Их всего-то десять в нашей математической системе! Марко поскреб мобильником затылок и... решил, что не станет спешить. Будет набирать по одному номеру в день. Получится что-то вроде поиска или приключения. А когда Юнка наконец отзовется, он расскажет, какой был балда и почему дозвонился не сразу. И они посмеются, довольные тем, что нашли друг друга.

Начал Марко с единицы. Набрал... и не повезло. Голос механической девицы сообщил, что «сеть отключена для профилактики на двое суток». Ну и ладно! Двое суток не вечность. Он позвонил на третий день, вернее, вечер, полюбовавшись через

телескоп на большую, набравшую абсолютную полноту Луну. И, набирая номер, уже не ощущал прежнего волнения...

— Здравствуй... А... это телефон Юны?

— Ошибся, хлопче, — отозвался добродушный мужской голос.

И так все вечера подряд.

Отзывались другие люди — кто весело, кто равнодушно, кто сердито. Один раз показалось, что попал!

— Юнка! Это ты?!

— Я не Юнка, я Галя, — обрадовалась девочка. — А ты кто?

Марко молча нажал кнопку отбоя.

Но все же оставалась надежда. Номера с пятеркой и нолем ответили механическим голосом, что «абонент выключил телефон или находится вне зоны покрытия». Вполне возможно, что Юнка была в дороге и сквозь железные стены вагонов не пробивался сигнал. Или в мобильнике кончились деньги, или разрядилась батарейка... Надо будет попробовать по второму разу.

Не получилось и по второму. И по третьему. Ну, бывают досадные совпадения... А может она просто потеряла телефон? Пожалуй, надо будет все-таки написать письмо. По адресу: Ново-Византийск, театр им. Гоголя, Юне Коринец. Наверно, дойдет. Нужно только узнать почтовый индекс Ново-Византийска. Но заглянуть в Интернет за индексом или забежать на почту все как-то не было времени. «Завтра...»

А потом пришли новые заботы. У Германа Алексеевича начались неприятности. Он работал в каком-то ведомстве, связанном с инженерным обеспечением флота. У ведомства было двойное подчинение: имперским властям и министерству НЮШа. Две страны все чаще вступали в споры, делили территории и хозяйства. Нюшские чиновники заявили, что ведомство переходит полностью в их распоряжение. «Иностранцы» служащие «могут быть свободны». Слава Богу, Герману Алексеевичу пришел вызов из имперского порта Бартенеево на Северном побережье. Там и работа, и квартира. Все хорошо, только очень уж далеко. Встал вопрос: как быть с Марко. Тащить его с собой, за тридевять земель, к холодному морю? А зачем? Там не столица... Оставить жить в лицейском интернате? Марко содрогнулся. Да и к чему ломать голову? Разве у него нет родного дома? Может быть, судьба повернула все к лучшему!..

Герман Алексеевич, собираясь на Север, продал машину, и Марко отправили домой рейсовым автобусом (полсутки дороги!). В сопровождении те-

тушкиной знакомой, которая как раз отъезжала к краю.

Ну и вот... «Господи, неужели я дома?»

Давние друзья-приятели сбежались к нему. Новости, разговоры. Девичьи дурацкие вопросы: «Там, наверно, каждую неделю влюблялся в столичные одноклассниц?»

«Каждый день», — сказал Марко и тихонько вздохнул, вспомнив апельсиновые волосы.

Слон спросил:

— В телескоп-то дашь глянуть?

— Ну, неужели не дам?

Смотрели все по очереди, несколько вечеров подряд. Опять назревало полнолуние.

Однажды директор Юрий Юрьевич позвал себе Марко после уроков.

— Дружище, у меня великая просьба. Не разрешишь ли ты поставить свой инструмент в школе. До конца учебного года. У десятиклассников курсы по астрономии, а наш древний рефрактор готов рассыпаться от случайного чиханья... А?

Ну, что было делать?

— Ладно... Только чтобы я мог приходить и смотреть когда хочу. И наши ребята с Маячной...

— О чем разговор! Я дам ключ...

Телескоп установили в угловой комнатке на верхнем этаже (там хранились пыльные птичьи чучела, продавленные глобусы и рулоны старых карт). Окна выходили на восток и на юг. Луна неторопливо прокатывалась над невысокими крышами и тополями, цеплялась на полпути (будто корабль днищем) за камни на верхушке Фонарного холма. Огненными каплями горели Венера и Юпитер...

Можно было сидеть у телескопа до ночи. В одиночку или с ребятами... Весенние вечера были уже теплые. Все громче трещали цикады...

Юнка так и не позвонила. Ну, понятное дело. Наверно, письмо получила не сразу, а потом оказалась оборвана связь. Неизвестно до каких времен. Потому что *началось*...

Крейсер «Полковник Дума»

Марко перелистал в памяти воспоминания о зимних и весенних днях, пальцем погладил на медали морского конька и опустил медаль в правый карман. Ноги стонали, но надо было двигаться дальше. Марко встал.

Наверно со стороны — с моря, с крейсера — он виделся беззаботным пацаном, который развлекается на скалах: ищет чего-то или прячется от дру-

зей, играющих в пиратов или аргонавтов. Дело обыкновенное, здесь играли во все времена.

Знакомый всем ребятам журналист и бродяга Пек — он поселился весной у деда и бабки Тарасенковых — недавно прочитал Марко, Слону и маленькому Икире стихи. Встретил их на улице, рассказал последние новости, которые поймал в эфире своим хитрым приемником, заметил, что «регент и светловельможный гетман окончательно спятили» и вдруг жизнерадостно добавил:

— Однако, жизнь продолжается, юные друзья!.. Как мне известно, Птеромодуса вы наконец запустили?

Птеромодус — это был громоздкий воздушный змей, которого ребята несколько дней пытались поднять в воздух со склона Фонарного холма.

— Да, вчера вечером удалось, — подтвердил Икира. — Видели?

— Я наблюдал за этим действием в свой бинокль... И знаете, какие строчки мне вспомнились?

Слон, Икира и Марко вопросительно молчали. Худой, как весло, Пек прислонился к плетню и тряхнул белыми растрепанными волосами.

Мальчики заводят на горе

Древние мальчишеские игры.

В лебеде, в польном серебре

Блещут зноем маленькие икры.

От заката, моря и весны

Золотой туман ползет по склонам...

Ну и так далее. Стихи длинные. А кончаются вот чем:

Мальчики играют в легкой мгле.

Сотни тысяч лет они играют.

Умирают царства на земле —

Детство никогда не умирает.

Марко, будто наяву, увидел опять залитый закатом склон и трепещущее сооружение из разноцветной бумаги реек. И услышал торжествующие крики: «Пошел, пошел!.. Ура!»

А Слон спросил у Пека:

— Это ты сочинил?

— Это сочинил давний поэт по фамилии Луговской. А я не пишу стихов, я прозаик... Обратите внимание, какие точные строчки про царства и про детство! В самом деле, пропадут из памяти десятки императоров, регентов, президентов, гетманов и премьеров, а вот этого разноцветного Птеромодуса люди будут помнить сотни лет...

— Его-то почему? — осторожно спросил Марко.

— Потому что я веду летопись здешних событий, на основе которой напишу роман под названием «Неистребимое солнце». Мне, разумеется, дадут за него Нобелевскую премию, он войдет в анналы мировой классики...

— Во что войдет? — переспросил Икира.

— В список самых знаменитых книг, — разъяснил третьекласснику Слон.

— Да! Таких, как «Дон Кихот», «Война и мир» и «Буратино», — уточнил Пек. Никогда нельзя было понять: дурачится он или говорит всерьез?

— И мы в этом романе тоже будем? — доверчиво спросил Икира.

— Ну, разумеется! — Пек подхватил его, вскинул над головой и покрутил. Икира был рад, но визжать не стал, он всегда сохранял достоинство.

...«Мальчики играют на горе. Только б не сломали себе шею...» С этой мыслью Марко двинулся дальше... А в самом деле, видят его с крейсера? Ведь наверняка плятятся на берег в свои дальномеры...

Правительство НЮШа купила эту суровую на вид посудину то ли у Боливии, то ли у Аргентины. Возраст ржавой «грозы океанов» был музейный, зато и стоимость невелика — по цене металлолома. Крейсер отмыли, заново покрасили, добавили к орудиям прежней эпохи ракетную установку (тоже не новую) и объявили его флагманом нюшских военно-морских сил. Дали имя «Полковник Дума». Имелся в запасе у послушных историков такой персонаж трехсотлетней давности. В прежние годы он считался личностью темной, замешанной в разбойных делах, но недавно был «почищен от пыли», «вытащен на свет» и объявлен борцом за независимость. (В Лицее даже висел его портрет — рядом с настоящими знаменитостями.)

Вскоре нашлось для флагмана дело. Он отправился в залив к Тарханайской косе, для демонстрации нюшской силы и мощи. Империя, разумеется, заявила протест. НЮШ, однако, заявил в свою очередь, что Тарханайская коса и залив являются его, НЮШа, законной территорией и акваторией. Империя пригрозила прислать сюда свои ракетные катера. НЮШ завопил об агрессии великой державы против маленькой гордой страны и даже выпалил из башенного орудия по рыбацким катерам и шаландам, стоявшим в гавани у начала косы. Пришлось рыбакам уводить свой маломерный флот в обход Маячного мыса в лиманы. Выходить в залив рыбацьи артели теперь не решались. Командир «Полковника Думы» предупредил, что «любое, даже самое

мелкое судно, если оно не несет на себе нюшского флага, будет расстреливаться, как шпионское. Рыбаки поднимать нюшские флаги не хотели (а если бы и захотели, где их возьмешь?). Зато крейсер был увешан этими флагами от кормы до форштевня. Над башнями, на всех стенах, у гафелей и реев колыхались полотнища, разделенные на две горизонтальные половинки — морковно-оранжевого и салатного цвета. Посреди каждого флага красовалось изображение чешуйчатого початка в розетке из кукурузных листьев. Рыбаки утверждали, что это не початок, а... Впрочем, речь не о том.

Два государства, которые недавно состояли в «нерасторжимом родственном союзе», объявили о разрыве дипломатических отношений. Это случилось через неделю после приезда Марко в Фонари. («Видишь, что ты натворил!» — хмыкая, сказал ему Слон. Тот изобразил виноватого первокурсника: «Я больше не буду...»). Шутки шутками, а рыбачить в лиманах — не то, что в заливе: ловилась на мелководье лишь «всякая тюлька». Крейсер почти все дружно ненавидели. «Почти» — потому что попадались в Фонарях и сторонники нюшской власти. Однажды на эту тему в школьном коридоре заспорили два девятиклассника. Дело дошло до оскорбления государственной символики.

— Ваш имперский лев — не лев, адохлый кот с живодерни! — заявил один.

— Возьми кукурузину с вашего флага и засунь себе в... — посоветовал другой.

Разозрались. Появился директор. Взял рослых «политиков» за воротнички и отвел к себе в кабинет.

— Сейчас велю тете Зоре принести «тараскины слезы» и выдеру. В присутствии завуча и классных старост.

— Не имеете права, — пискнул тот, что поумнее.

— Сейчас посмотрим... Тетя Зоря!

— Мы больше не будем! — спохватился тот, что поумнее.

— Не будут они... Политики народ мутят, чтобы делать себе карьеру! А вам-то что надо? На одной улице живете, один мяч гоняете, в одной артели с отцами на ловлю ходите! Чего не поделили? Брысь!.. Если еще раз узнаю, не сядете на лавки до выпускных экзаменов...

В тот же день было объявлено по всем классам, чтобы никто из школьников не думал соваться во всякие свары и конфликты по поводу спорных территорий. И чтобы близко не подходили к вооруженным людям — ни к забредаю-

щим сюда изредка имперским десантникам, ни к матросам, что иногда высаживались с крейсера для разведки, ни к темнокожим парням в голубых касках и белых португелях. Парни эти были из «Организации международного надзора» и присланы в район конфликта не то Советом безопасности, не то каким-то «Миротворческим союзом». Впрочем, они поторчали тут совсем недолго и тихо исчезли.

А крейсер «Полковник Дума» не исчез...

Решение школьного начальства одобрили все жители Фонарей. Потому что, по правде говоря, им до лампочки была всякая власть. За последние два века кого только не повидали обитатели здешнего края! Казаков и французов, гайдамаков и англичан, греков и немцев, имперских колонистов и китайских бизнесменов. Каждый норовил что-то урвать для себя. И плевать им было на тех, кто с давних пор обживал эти места...

В самих жителях, кстати, было понамешано крови всяких народов — начиная от потомков Одиссея и кончая северными переселенцами прошлого века...

Кое у кого зрела идея: не подать ли прошение о вступлении в Союз вольных городов, где главным был знаменитый приморский Льчевск. Чтобы ни Империя, ни Штаты больше не лезли со своими претензиями. Беда только, что ни Фонари, ни другие поселки Южного края не тянули на то, чтобы считаться полноценными городами...

Империя не хотела отдавать залив и косу НЮШу, но и драться за такие мелочи не хотела: ей хватало других проблем. Например споры с Америкой, которая помышляла объявить своей собственностью лунные территории (совсем охамел беспринципный, свихнувшийся от жадности Запад!). И Фонари оказались в блокаде. Правда, продукты в лавках не исчезли окончательно, кое-какие лекарства в местной аптеке и больнице еще были, но телевизоры работали через пень-колоду, а телефонная связь прервалась вовсе. НЮШ блокировал ретрансляторы сотовых компаний и спутниковые станции, отключил кабели...

Так что ждать весточки от Юнки не приходилось.

И еще одно поганое обстоятельство. Имперское министерство просвещения в своей далекой столице взяло себе в голову, что учиться в таких условиях детям Южного края рискованно, и объявило перерыв занятий на две недели. А школа в Фонарях подчинялась как раз этому министерству. Потом, правда, чиновники сообразили, какую сделали дурь, но конец учебного года оттянулся

до середины июня. Поэтому Марко и ходил до сих пор на уроки. Со своим привычным стареньким ранцем...

Легонький ранец подпрыгивал на спине, когда Марко скакал с уступа на уступ. Скакнет, остановится, послушает тишину. В тишину влетался еле слышный шорох маленьких волн — снизу. И стрекот цикад — сверху, с подступающих к обрыву травяных пустошей. Покрикивали чайки, но их голоса были как бы отдельными от тишины, не задевали ее. Иногда начинал дышать ветерок — покачивал редкие, проросшие из каменных щелей бледно-синие цветки цикория.

Марко прыгнул на тесную ракушечную площадку и решил передохнуть еще разок. Конец пути был уже недалеко. Марко встал прямо, взялся за впрессованный в камни мраморный кругляш. Толстенный. Похоже, что это был обломок древней колонны. Марко обвел глазами синее пространство. «Полковник Дума» торчал в этом пространстве как сизый набухший чирий. Марко плюнул. В этот же миг у башенного орудия крейсера вспух синий дым. Что это?.. Марко заморгал. И моргал секунд пять, а потом тугой грохот встряхнул весь мир. И сразу еще один грохот — с визгом и металлическим треском. На ракушечном отвесе метрах в ста от Марко взметнулось черное каменное дерево. Над головой свистнуло...

«Это что?! Это — по мне?! Потому что я плюнул?! Психи!..»

Никогда Марко не видел так близко снаряженных разрывов. То есть вообще не видел в жизни, только в кино... Он обмер, и мысли разлетелись на осколки. И не было времени собрать их, потому что новый орудийный удар и — сразу же — еще один взрыв сотрясли море и берег.

Голова у Марко будто отключилось, но тело, руки, ноги действовали. Сами по себе. Недалеко от мраморного кругляка была в ракушечнике широкая щель. Как раз такая, чтобы щуплый мальчишка мог втиснуться и замереть в этом убежище. Именно убежище, потому что со стороны моря щель прикрывал похожий на узкое крыло выступ.

Да разве он спасет от снаряда!

Сердце колотилось не в груди, а где-то у горла. И кажется, текли слезы. Но выстрелов больше не было. Осколки мыслей... не то чтобы склеились, но начали проявлять себя.

«Неужели правда по мне? За что? Разглядели в трубу, что я плюнул на них? Бред какой!.. Из пушки по воробьям... Как в киношной песенке: «Если рядом воробей, мы наводим пушку...» Гады парши-

вые... Будут еще стрелять или кончили?.. Может, началась настоящая война? Тогда почему палат по обрыву, а не по улицам?.. Что же делать?.. Сидеть до ночи или рвануть вперед?..» Все жилки тряслись в Марко, и казалось, что камни отвечают мелкой дрожью.

Марко попытался вспомнить какую-нибудь молитву. Да он и знал-то всего две: «Отче наш» и еще вот эту... «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою...» Ее порой шептала мама — когда вспоминала отца и когда думала, что рядом никого нет... И Марко в столице шептал ее, когда вспоминал маму. И в то воскресенье, когда тетя Даша уговорила сходить с ней на церковную службу, в храм на площади Трех князей... Марко не очень-то хотелось идти, но он послушался. И, чтобы настроить себя как надо, шел и шептал, и думал о маме... А службы не получилось. Получилась драка. Две толпы верующих заспорили, кому принадлежит храм. Имперской церкви или той, что обрела самостоятельность в НЮШе? Мелькали кулаки и раскрытые черные рты. Марко видел, как старый священник на высоких ступенях поднимал медный крест и что-то говорил. Кажется, что у храма Божьего один владетель — Иисус Христос. Так, по крайней мере, на миг послышалось Марко. Тетя Даша ухватила племянника за плечи и быстро увлекла прочь.

— Господи, что же это делается на белом свете...

Ее модные сережки перепуганно качались над плечами, с ресниц текла темная краска. А у Марко мелькнуло: «Если даже храм не могут поделить, как поделят земли и страны?»...

«Богородица Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою...» И дальше своими словами: «Помоги вернуться домой. Потому что, если не вернусь, что будет с мамой?»...

В самом деле, что с ней будет! Эта мысль ударила сорвавшейся пружиной и была она сильнее страха за себя. Рванула Марко вперед. Он помчался по каменным выступам, перелетая глубоченные провалы. Они как бы ухали под ним, но ухали с опозданием, когда он летел уже в другом месте. И уже не боялся!

«Ну и стреляйте, сволочи! Все равно не попадете! Ржавое корыто! Шакалы!..»

На полной скорости он добрался до места, где ударил первый снаряд. Взрывом выворотило в отвесе целую пещеру. Казалось, что камни горячие. Пахло окалиной и едкой кислотой. Видимо, это был запах сторевавшей взрывчатки. Обожгло ступни...

Марко не сбавил хода. И скоро оказался там, где грохнул второй разрыв. Видимо, этот снаряд

был посильнее. Разворотил каменные слои не в пример первому. Целая скала отошла от родного берега пластом и торчала теперь отдельной плоской башней. Между ней и отвесом открылся проход. Он давал ощущение безопасности, пусть хотя бы минутной. Марко на всей скорости влетел в эту широченную щель. Под ногами чернела пустота, но отовсюду торчали камни, можно было ступить по ним.

Запах взрыва остался снаружи. Здесь пахло влажным ракушечником и почему-то глиной, хотя ее не было видно. Впрочем, что значит «видно»? В таком-то сумраке. Лишь через минуту Марко стал различать рельеф обступивших его каменных стен. Очень синее небо светило сверху, и воздух здесь казался голубоватым. Виднелись глыбы спрессованных ракушек, черепки и окаменелые корни. Марко ступал осторожно: а то сорвется под ногой камень и улетишь в узкую черноту. И фиг выберешься... А еще был страх, что отколовшийся монолит может качнуться назад, и тогда кто найдет Марко (или то, что от него останется)? Это даже страшнее взрыва...

Но выход был уже рядом. Яркий день светился впереди, между великанских каменных ладоней. Марко рванулся к свету и... на границе сумрака и дня его ждало открытие.

Такое, что он даже позабыл о крейсере. Вернее, страх этот сдвинулся далеко назад.

Взрыв отворотил и сбросил к морю двухметровую глыбу, а под ней открылись беловато-серые известняковые бруски. Явно обтесанные человеком. Два бруска образовали горизонтальный выступ. Между ними был промежуток шириной в кирпич. Его заполняла ракушечная крошка и похожая на цемент спрессованная пыль.

Из пыли торчала крохотная коричневая нога с босой ступней...

Осторожно-осторожно, мизинчиком, расчистил Марко пыль вокруг ножки. Все шире, шире. Открылась еще одна, только отбитая ниже колена («Бедняжка...» — мелькнуло у Марко). Он стал расчищать дальше и скоро взял пальчиками куколку из твердой коричневой глины, которая называется, кажется, терракота. Вернее, это была не куколка, а статуэтка. Ростом чуть побольше мальчишкиной ладони.

Похоже, что когда-то она стояла на той ноге, которая потом откололась и пропала вместе с подставкой. А другую, уцелевшую, фигурка подогнула — то ли в танце, то ли в игре... А руки развела и согнула в локтях. То есть одной руки, правой, не было, как и ноги — отколота пониже лок-

тя. А левая — сжата в кулачок. Были различимы тоненькие пальцы, а на большом пальце — даже крохотный ноготок.

И почти не было головы. На вытянутой шее сохранился лишь подбородок и половинка левой щеки с малюсенькой мочкой уха.

«Девочка...»

Она была в коротенькой юбке, прижатой спереди к телу порывом ветра и разлетевшейся по бокам. Через правое плечо от юбки перекидывалась широкая лямка.

Несмотря на все увечья, девочка не казалась изуродованной. В ней чудилось живое движение. Страшный удар, лишивший ее головы, руки и ноги, это движение не остановил. Понятно было, что удар случился давно и крейсер здесь ни при чем. Но все же Марко быстро глянул на него через плечо: «Бандиты...»

Однако на бандитов было теперь наплевать. А девочка... Марко вдруг почувствовал, будто под ладонями у него снова тонкое Юнкино плечо. Он сказал одними губами: «Это ведь было давно. Теперь уже не болит, да?» А чтобы унять в ней последние остатки боли, он взял девочку на левую ладонь, а правой накрыл ее. И... проснулись щекочущие струнки...

Марко вытащил из кармана широкий носовой платок. Чистый. Марко никогда не пользовался им, носил просто так, на всякий случай. Очень аккуратно он завернул девочку, уложил в ранец. Решил, что рассматривает как следует дома. А оставаться здесь лишнюю минуту... Кто его знает, что опять взбредет в голову «Полковнику Думе»...

В пыли, где недавно лежала девочка, остался отчетливый отпечаток.

Очень скоро Марко добрался до ступенек, ведущих наверх. И через две минуты уже мчался по Почтовому переулку. Когда заборы закрыли от Марко часть залива с крейсером, улетучились из него и остатки боязни. Видимо, кончились запасы страха. Осталось только ощущение подвига и приключения. Известно ведь, что приключения — это ужасы, о которых потом интересно вспоминать.

У входа в крохотную кафешку «Шаланда» стояли четверо мужчин в рыбацких вязаных безрукавках. Обсуждали, недавнюю пальбу. Марко тормознул рядом с ними:

— Вы не знаете, зачем эти идиоты палили?

В Фонарях не считалось невежливым, если хлопец вмешивается во взрослую беседу. Спрашивает человек — надо ответить:

— Они передали флажным сводом и через радио маяка, что это, мол, предупреждение. Ответ

на... как это... на оскорбительные выпады местного населения...

— А... какие выпады?

«Ох, неужели и, правда, из-за моего плевка?»

— А хрен их знает, психованных... — сказал пожилой рыбак с белой щетиной.

На почте было безлюдно и пахло пеньковым шпагатом. Знакомая заведующая тетя Тамара сказала:

— Носитесь по улицам, когда с моря стрельба. Нет на вас угомона...

— Это из-за меня стрельба. Я в них плюнул, а они в ответ...

— Мели, Емеля, что восемь дней в неделю... Ну, что у тебя?

— Письмо отправить. Вот...

Тетя Тамара взяла двойную открытку. Не задавала вопросов. Работникам почты не положено прояслять лишний интерес к чужой переписке. Только сказала:

— Вложи в настоящий конверт. А то здесь марка нюшкина, придерутся где-нибудь...

— У меня на конверт денег нет.

— Потом отдашь... Вот, пиши...

Марко старательно вывел адрес на белом конверте с имперской маркой (портрет регента), сунул в него открытку матроса Володи. Заклеил клапан языком. Тетя Тамара бросила письмо в мешок с печатью. Марко крутнулся на пятке.

— Добро вашей хате! — И выскочил в солнечный день. В такой, где, казалось бы, никогда не должно быть никакой стрельбы.

«Стои-замри!..»

С Баркасного переулка Марко повернул к себе на Маячную.

Маячная улица была прямая, с рядами высоких острых тополей. Между тополями, далеко в синеве залива, был виден маяк — тот, что на конце Тарханайской косы. Красно-белый, похожий на праздничную свечку... В нынешнее блокадное время маяк не включался («Полковник Дума» пригрозил разнести его в пыль). Но смотритель маяка дед Казимир и его жена бабка Лизавета продолжали жить там. Сказали: «Это наша служба, здесь и помрем...» С крейсера попытались высадить на маяк своих людей, но их попер подвернувшийся к месту патруль международных сил.

В середине квартала торчала водопроводная колонка. У колонки была натоптана кремнистая

площадка с редкими травинками. На площадке Марко увидел знакомых ребят. Ближе всех находился пятиклассник Фимка Левада по прозвищу Кранец.

То есть не находился он, а на всех парах мчался от ребят в сторону Марко. Видать, что-то опять с ним произошло.

Кранец был круглощекий и грузноватый. Никакой, конечно, не бегун и не прыгун. Отсюда и прозвище. Известно, что кранцами называют набитые ветошью мешки или плетеные из троса груши, которые при швартовке спускают между бортом и причалом.

Правда, «Кранец» — это была лишь половина прозвища. А полное — Кранец-Померанец.

У кранцев не бывает широченных розовых ушей, а у Фимки были. Такие, что буквально полоскали на ветру. Одноклассница Марко — язвительная Мирослава Тотойко (попросту Славка) — однажды сказала, что уши Левады в точности как полыхающие цветы померанца. Никто в Фонарях (и сама Славка тоже) этих цветов не видели и не знали, какой они расцветки и формы. Но прозвище приклеилось, потому что очень уж в рифму.

Кранец слегка пообижался, а потом привык.

Он был неудачник. Чаще других падал с деревьев и заборов, ухитрялся каждый год наступать на ядовитую рыбку «дракончика», то и дело рвал штаны среди береговых камней и попадался на неумелом вранье. А расплачивался ушами... Родители всегда были заняты — отец в рыбацком экипаже, мать в киоске на поселковом рынке. Дома хозяйничала похожая на высохшую акацию мамкина сестра — тетка Ганна. Как пронохает, что племянник в чем-то виноват — хватить за оба уха костяными пальцами.

— Ой, ну чего ты опять! Я же ничего... Я нечаянно... Ой, ну больно же! А-а-а!

— А вот и славно, что больно... Для того и дерут. Для ума-разума...

Это разносилось по улице из открытых окошек.

После воспитательной процедуры уши Кранца становились очень тонкими и прозрачными. Казалось, что сквозь них можно смотреть на солнце, как сквозь алую полиэтиленовую пленку (солнце при этом выглядело спелым помидором).

Кранцу сочувствовали. Но порой и досада брала от его неуклюжести. И если собирали футбольную команду, Фимку старались записать в запасные, а когда на лодке отправлялись рыбачить в ближнем лимане, сажали впередсмотрящим на носу («А то, как в прошлый раз: взял весло — и попо-

лам... Ну и что же, что в камнях застряло? Ни у кого не застревает, а у тебя...»).

При вылазках в соседские сады Кранец-Померанец попался чаще других.

«А ну, стой!.. Ишь какие уши удобные, как ручка чемодана...»

А дальше — по известному порядку:

— Ну, а теперь неси, что следует, раз попался...

И бредет несчастный Померанец в дальний край сада, наматывает на ладонь лопуховый лист, дергает от забора крапивный стебель и, тяжело дыша, несет хозяйке. Казалось бы, когда отпустили и следом не идут, можно и рвануть через плетень, большой ловкости не надо. Но... будешь «хихила». Есть с давних времен в Фонарях закон: лазаешь по садам — лазай на здоровье, но если угодил в лапы хозяину и в первый момент вырваться не сумел — не дергайся больше. Теперь ты пленник, пока не получишь по заслугам. Это как правила игры, в которой жульничать запрещено. Иначе:

Хихила-бахила,

Штаны замочила!.. —

будет кричать на улице даже замурзанная пятилетняя малышня...

— Принес? Ну-кась, стой смирно...

— Ай!..

— Не танцуй! А то еще не так...

Конечно же, все это давно известная игра. Проклятые вечным солнцем ребячьи икры не чувствительны к безобидным укусам. Да и хозяйка или хозяин сада — они ведь не злыдни, а люди понимающие: помнят себя в школьные годы. Поэтому притворно-жалобные вскрики пленника — тоже правило игры.

— Уй-я! Больше не буду!..

— Смотри у меня. А ежели поймаю снова, спущу штаны да сорву «тараскины слезы»...

Ну, это уже так, для испуга. По правде-то никто их не сорвет...

Высокая, как бурьян, пыльно-серая, с шипами на тонких листьях трава «тараскины слезы» известна в здешних местах каждому. Она злее обычной крапивы в тысячу раз: как черные осы по сравнению с комарами. Грозить ею, конечно, можно, однако в ход пускать не смеет никто — ни зловредные взрослые, ни самые коварные мальчишки и девчонки... В давние-давние времена бытовал в здешних краях обычай учить малолетних «тарасок» с помощью этой травы уму разуму и послушанию. Натерпелись бедняги. После такой науки целую неделю ни на лодоч-

ной банке грести невозможно, ни на школьной лавке слушать учителя, ни дома на табуретке борщ хлебать... Но однажды, в годы, которые называются «Революция» (толком никто уже в них не помнит), пришел на Тарханайскую к то ли конный полк, то ли эскадрон. С разноцветными лентами на папахах. С веселым усатым дядькой во главе (звали его иногда «товарищ комэск, иногда «батько Мирон», а иногда «п Лебеда»). Пан товарищ Лебеда собрал на площади рыбаков и селян и объявил, что старая власть, где «императоры, гетманы и прочие кривососы», полный храпец, и надо выбрать для нового правления свой справедливый совет Народу что? Он всегда готов. Выбрали... Но толпе нашлись несколько бойких рыбацких новей и внуков, закричали: почему это справедливость лишь для взрослых? Ребячий совет не жен тоже! Долой взрослое самодержавие!

Пан товарищ Лебеда (он же батько Мирон) отнесся к этим крикам с пониманием. Да, ему нужен и такой совет, потому что дети — будущее свободного мира. И совет выбрали. И он принял много справедливых законов. Одним из первых был закон, запрещающий на веки-вечные и пользоваться «тараскины слезы» для воспитательных дел. Товарищ комэск Лебеда добавил от себя, что каждый, кто этот закон нарушит, будет повешен за ноги на сухом каштане перед поселковой управой или расстрелян в Тухулсбалке тупыми пулями из трофейного американского пулемета «Крокодайл-Гочкис» (по выбору осужденного)...

Проходили времена, менялись власти и разноцветные ленты на папахах, шлемах и фуражках, менялись законы. Однако запрета на зловредную траву никто не отменял. Наверно, с детства в сознании (или в подсознании) память о батьке Мироне с тупорылым трофейным пулеметом (кое-кто поговаривал, что он вовсе и не стреляет, но поговаривал с опаской). Интересно, что даже местные полицейские во время немецкого нашествия закон этот нарушать не смели. Данный факт говорит о том, что есть на свете незываемые понятия и правила...

Да, но почему Кранец-Померанец нынче спаслся бегством? И не от сердитой хозяйки сада и не от тетушки Ганны, а от своих приятелей соседей?

Марко открыл рот, чтобы крикнуть: «Кранец ты куда?»

Но от ребят долетел тонкий вопль Славки Тойко:

— Кранец! Стой-замри или лопнут пузыри!

Это было заклинание. Тоже давнее. Тоже как закон. Почему его надо слушаться и что за пузыри могут лопнуть у нарушителя, никто не знал. Но слушались всегда. Иначе ты совсем трус или кругом в чем-то виноватый, или вообще «не с нашей улицы». И тогда конечно:

Хихила, хихила,

Гнилая бахила!

В болото упала,

Г-м провоняла...

Кому захочется такого? Стать «хихилой» можно в один момент, а отскрести себя потом от этого звания ох как непросто...

Впрочем, почти у каждого из ребят против «стой-замри» была защита. Марко знал, что есть она и у Кранца. Почему же Кранец будто споткнулся, замер?

Ну, конечно, от неожиданности! Он же растяпа, сразу не вспомнил! Однако через две секунды сообразил. Встал одним плечом к Марко, другим к ребятам, выпятил живот, сунул руки в карманы широких, полосатых, как матрац, штанов.

— Ну, фига ли клеитесь?

Джольчик из кармашка —

От всего отмашка!

Джольчик и правда был талисманом от всяких заклинашек, запретов и приставалок.

Все сошлись вокруг Померанца.

С Марко поздоровались мельком — кто взглядом, кто быстрой улыбкой, кто коротеньким «здар...». А центром внимания был Кранец-Померанец. Его уши возмущенно полыхали. Он, кажется, готов был сказать гневную речь. Славка его опередила:

— Врешь ты, Фимочка! Нету у тебя джольчика... — Тошная, с тонкой шеей, она ехидно и непримиристо смотрела на Кранца сквозь белые прядки на лице.

— Есть!.. — Кранец отчаянно зашарил в кармане, портки перекосилились так, что одна штанина съехала до лодыжки, а другая задралась выше колена. — Вот! — Он вытащил на свет граненую пробку от одеколона, та засверкала.

Славка растянула губки в тонкую улыбку.

— Это просто стекляшка. А твоего джольчика у тебя нету...

Кранец замигал и запыхтел:

— Докажи...

— Вот и докажу... — Славка задрала на животе длинную мальчишечью футболку (рыжую с чер-

ным пиратским портретом). Под футболкой была модная джинсовая юбочка с мундирными пуговицами и карманом у пояса. Из кармана Славка извлекла двумя пальчиками такую же, как у Кранца, пробку. — Смотрите, здесь приметка, скол на кончике...

Все вытянули шею. Посмотрели на пробку, потом на Кранца. Тот глядел на свои растоптанные кроссовки и пыхтел все сильнее.

— Ну? Будешь отпираться? — с беспощадной ласковостью спросила Славка и отдула от губ невесомую прядку.

И все смотрели на Кранца-Померанца с тем же вопросом.

Разные были здесь люди. Кроме Славки и Кранца, два приятеля — деловитый коренастый Топка и непоседа-вьюн Пиксель (тоже из шестого класса), маленький коричневый Икира; круглая, как полнолуние, и всегда невозмутимая Галка Черета (Славкина подружка, пятиклассница), любопытный и неумытый четвероклассник Матвейка Кудряш... Да, разные, но про одно знали они одинаково: нельзя клясться фальшивым джольчиком. Так поступают лишь окончательные хихилы...

— Н-ну? — снова сказала Славка.

Было похоже, что Кранец сейчас заревет.

— А чего... — выдохнул он. — я это... пошутил...

— Шуточки у тебя, Померанец, — хмыкнула Славка. Похоже, что с облегчением. — А теперь скажи всем, где потерял настоящий джольчик? Вот этот...

— Я, что ли, знаю? — буркнул Кранец.

— Небось, догадаешься, если подумаешь, — заметила круглая Галка.

— Чего думать-то...

— А потерял он его в саду у бабки Лександры, — со сдержанным торжеством сообщила Славка. — Лазал туда попробовать первый урожай черешни...

— Ну и что? Он один, что ли лазал? — рассудил справедливый Икира. — Отдай ему джольчик, Мирослава...

— Другие, кто лазали, посуду у бабки не били, — возразила Славка. — А Померанец не только все банки у нее расколотил, а еще и расписную макитру грохнул. Она эту макитру в прошлом году на ярмарке в Камышах купила. Радовалась, какая разноцветная посудина. Для нее это чуть ли не главное счастье в жизни было: поставит перед собой и шепчет: «Я же ще такой радуги нигде больше не бачив...» А он...

— Я нарочно, что ли? — плаксиво взвыл Кранец. — Я не знал даже!...

— Да что случилось-то? Объясните по-понятному! — встрял любопытный Кудряш.

Тогда Славка неторопливо и с подробностями принялась рассказывать.

Сегодня утром бестолковый и бессовестный Померанец (прогуливая, кстати, уроки) забрался к бабке на участок и начал, чмокая, лакомиться ранней черешней. Бабка усмотрела это безобразия из окошка. Завопила и, растопырив костлявые руки, бросилась за нахалом и обжорой. Кранецу на этот раз повезло. Хоть и был неповоротлив, а сумел увернуться от хозяйкиных лап и кинулся к плетню. Перемахнул и брякнулся на той стороне, как мешок с кукурузой (это Славка так сказала: «мешок с кукурузой»; Кранец хотел было ответить «сама такая», но счел за лучшее промолчать). И всё бы хорошо, но во время бегства Кранец попал ногой на валяющуюся в траве доску. А доска серединой своей лежала почему-то на полене. Ее конец подлетел и ударил по лавке, на которой сохла пирамида банок для солений-варений. Банки взлетели, как от взрыва гранаты. Что от них там осталось, можно представить... Мало того! Большая банка по дуге ушла к табурету, где стояла бабкина радость — ведёрная посуда с пестрыми узорами, петухами и мальвами на лаково-оранжевых боках. Была посуда — сделались черепки...

Бабка Александра стенала полдня. Ее причитания услышала вернувшаяся с уроков Славка — она жила по соседству. Славка всегда жалела бабушку Александру. Та была вредновата, но ведь не от хорошей жизни. Коротала свой век одна, дети давно разъехались, муж утонул десять лет назад на рыбалке (тогда несколько человек погибли во время шторма). Славка попыталась, как могла, утешить бабушку. Помогла собрать опасную стеклянную россыпь и нашла среди осколков граненую пробку. Очень даже знакомую... Заодно Славка выслушала рассказ о малолетнем налетчике.

— Сгоряча-то не разглядела, как надо. Помню только, что задница широкая, да штаны полосаты...

«Ясно, чья задница, — подумала Славка. — А в школе будет врать, что лежал дома с больным животом...» Она не стала выдавать злодея, но и спускать ему такое бесчинство не хотела. Увидав Кранца бредущим по улице, велела:

— Иди сюда, прогульщик.

А Кранец вдруг будто вспомнил про какое-то срочное дело и ударился в бег.

Дальнейшее известно...

Подошел старший во всей «маячной» компании — Слон. Взъерошил пятерней кудлатую голо-

ву Икиры, положил ему растопыренные ладони на коричневые плечи. Икира улыбнулся, запрокинул лицо, теменем прижался к обтянутой тельняшкой груди Слона. Слон стал слушать Славкин рассказ, вникать в события. Все наконец повернулись к нему: что скажет самый авторитетный и рассудительный из собравшихся?

Слон сказал:

— Ну, дела в таверне «Рыжий кит»... Славка, ты отдай ему джольчик-то... А ты, Померанец, больше так не мудри. Джольчики вранья не любят, понимать надо...

— Я не... то есть да... то есть не буду... — Кранец запыхтел с облегчением.

Но Славка безжалостно сказала:

— Не отдам. Пусть сначала пойдет к Александре Панасьевне и попросит прощенья.

Это решение, однако, ни у кого не нашло понимания.

Даже круглая Галка Череда возразила по дружке:

— Это же тебе не школа: «Марья Гавриловна, простите, я больше не буду на уроке хрюкать...»

А Слон рассудил:

— Ну, пойдет, ну попросит... Простит она его сразу или сперва взгрет, какой толк? Посуду все равно не вернешь...

— Да соберу я ей другие банки, — надуту пообещал Кранец. — Только на двор не понесу, оставлю в мешке у калитки. А то опять за уши... Или узнает меня, тетке Ганне наступит, а та опять же за уши... Сил уже нету...

— А макитра? — Славка ехидно склонила голову к плечу. — Ты ее что, по кусочкам скленишь? Или где-то украдешь такую же?

— Дура... — сказал Кранец.

— Может, я и дура, а...

— Славка, уймись, — велел Слон. — Чего ты вертишься, как голый ж...й на муравейнике...

— Хулиган, — с достоинством заметила Славка.

Слон продолжал:

— У меня дома есть такая посуда, только гладкая. Вот если бы кто-то расписал...

— Мы распишем! — тут же взвились Пиксель и Топка. Они готовы были разрисовывать всё, что угодно: страницы в дневниках, асфальт на автостанции, побеленные заборы и воздушных змеев, которых запускали на склонах Фонарного холма. В школьном коридоре они расписали стену картинами подводного царства. Директор Юрий Юрьевич объявил им благодарность — за художественное мастерство — и поставил двойки по поведению — за то, что рисовали без спросу. Правда, назавтра двойки отменил...

— Мы ей таких петухов намалюем, хоть на выставку! — вертляво пообещал Пиксель.

— Ну и отбой авралу, — подвел итог Слон. — Славка, отдай джольчика Померанцу.

Славка сердито сунула Кранцу пробку и вдруг повернулась к Марко.

— А ты...

— А что я? — сразу ошетинился Марко. Почувствовал, что Славке мало разборки с Кранцем, хочется чего-то еще. — Я банок не бил и в сад не лазил... — Потом добавил игриво, чтобы задавить в себе шевельнувшуюся досаду: — И вообще я весь хороший... только голодный с самого утра...

Круглая Галка тут же передернула с бока на живот холщовую сумку с отпечатанным на ней фрегатом «Херсонес».

Она всегда ходила с этой торбочкой через плечо, потому что была вся из себя такая хозяйственная. Достала посыпанную сахарной пудрой плюшку:

— На...

Марко без церемоний вцепился в плюшку зубами. Она была немного черствая, но все равно ужасно аппетитная...

— Галка, спасибо, а то чуть не помер... — И глянул на Славку: «А тебе-то чего от меня надо?»

Та опять наклонилась к плечу голову, сквозь белобрысые прядки воткнула в Марко непонятные глаза. Кошачьи какие-то. Не поймешь — то ли зеленые, то ли желтые, то ли табачного цвета... «До чего вредная...», — подумал Марко. Без особой, впрочем, сердитости.

Славка сладким голосом спросила:

— А почему ты, Маркуша, не принес вчера на Камни книжку «Привидение в старой гавани»? Сам обещал, а сам...

На пустыре за домом Слона лежали несколько глыб ракушечника, это место и называлось «Камни». Здешняя компания иногда собиралась на Камнях, чтобы поболтать или почитать какую-нибудь книжку про всякие таинственные дела. Сейчас, когда почти не работали телевизоры, это случалось особенно часто.

— Я же сказал: принесу, *если найду!* А раз не нашел... Евгения дала ее кому-то в своем классе...

— Забыл, наверно, а теперь Евгения виновата, — непримиримо заявила Славка.

— Мирослава, чего ты вяжешься к человеку, — тормознул ее Слон.

— Да... — Марко облизал с губ крошки от плюшки. — Ладно, я пошел. Всем салют...

— Стой-замри! — вдруг велела Славка.

Марко рассказывает...

Марко замер на миг. Потом заулыбался:

— А вот фиг тебе. У меня джольчик...

— А вот и врешь! Все знают, что старый джольчик ты посеял в столице. А новым не обзавелся! — кошачьи глаза смотрели, как сквозь белую траву, будто из засады...

— А вот и обзавелся! — Марко вытащил из кармана и положил на ладонь медаль с морским коньком. — Гляди!

Все опять вытянули шеи.

— Пфы! — моментально отозвалась Славка. — Это сувенирная бляшка из киоска!

— Сама ты!.. Мне ее один матрос подарил. За то, что я ему помог... в одном деле... — Марко понял, что чуть не разболтал секрет. Прикусил язык.

— Что за матрос? — тут же подпрыгнул любопытный Кудряш.

— В каком деле? — сунулся и осмелевший Кранец.

— Мало ли в каком... — помрачнел Марко. — Это наши дела, не для всякого...

— Контрабанду, что ли, помогал переправить? — хмыкнул Слон.

Пришлось объяснить:

— Никакую не контрабанду, а письмо... Он сам не мог, потому что... очень торопился. Вот я и отнес на почту. Это его матери, чтобы не волновалась... Если не верите, спросите у тети Тамары...

Кажется, ему поверили. Но Славка тут же сказала: — Ха, отнес письмо? Подумаешь, геройство! И за это — джольчик?!

Отступать было некуда.

— Смотря как отнеси! Пришлось лезть по обрывам. Больше мили... А почему, не скажу. Так было надо.

То, что «пришлось лезть» из-за собственной дурачности, Марко объяснять не стал. Пусть гадают, какая была причина.

Слон прошелся по Марко глазами (по мятой рубашке, по царапинам и коленям со следами ракушечной пыли) и заметил:

— Похоже, что правда... А давно это было?

— Только что! Ну, с час назад...

У Слона подпрыгнули белесые брови, а Славка торжествующе завопила:

— Ух и врешь! В это время по обрывам с крейсера из пушек палили! Сам знаешь! Сунуться было нельзя ни на копейку! А кто сунулся, тот бы помер с перепуга!

Марко всех обвел взглядом. Теперь, кажется, не верил никто. И, стараясь говорить невозмутимо, он объяснил:

— А я сунулся. И не помер... Я же не знал, что будут стрелять. А снаряды ложились далеко. Я переждал, а потом уж перешел через это место... Там так противно воняет взрывчаткой, будто кислотной...

Икира вдруг тихонько спросил:

— Страшно было?

— До обалдения, — без хитрости сказал Марко и опять ощутил запах снарядной начинки.

Похоже, что на этот раз все снова поверили. Но опять же, кроме Славки.

— Врешь, — небрежно заявила она, глядя поверх головы Марко.

Ну, что с ней было делать?

— Не вру. Вот... — Марко глазами отыскал за тополями блестящий церковный крест, расправил плечи и перекрестился на него.

Но и это не убедило Славку.

— Не считается. На тебе ведь нету крестика...

Это правда, крестик Марко не носил, как-то не привык. Но...

— Я же все равно крещеный! При рождении!

— Не считается, — снова сказала Славка.

Тогда Марко взглянул на Икиру. Тот все еще стоял впереди Слона, прижимался к нему спиной. И смотрел на Марко с пониманием.

— Икира! Вру я или нет?

Здесь надо сказать про Икиру.

Это был тощенький третьеклассник с лиловыми, как сливы, глазами. Серьезный такой. Вообще-то звали его Иванко Месяц, но это лишь для школьного списка. А для всех в поселке он был Икирой.

Те, кто не знают, могут подумать, что это японское имя. А на самом деле все проще.

В Фонарях и в окрестностях растет у заборов и на обочинах мелкая травка с таким названием. С крохотными, как маковые зернышки, лиловыми цветами, с мелкими листиками. У нее слабый горчичный запах. Листики по форме напоминают брусничные, но по цвету отличаются. С изнанки — серовато-зеленые с бурыми пятнышками, а с лицевой стороны — блестяще-коричневые. Вот таким коричневым (гораздо темнее других здешних пацанов) был Иванко. Отсюда и прозвище.

Волосы Икиры, если бы они, как у всех фонарских ребят, не выгорали на солнце, выглядели бы, наверно, рыжевато-русыми. Но догадаться об этом было можно лишь случайно — когда из-под отросших локонов появлялась на свет уцелевшая от южных лучей прядка. А так вся его «лохматость» бы-

ла как у остальных — цвета очень светлой шлюпочной конопатки...

Из всей одежды Икира признавал только парусиновые шортики. Правда, были они всегда отглажены и сверкали такой рафинадной белизной, что на солнце слепили глаза. Да, было еще ожерелье-джольчик — из древних стеклянных бусинок, дырчатых камушков и мелких ракушек. Икирина мама заведовала библиотекой в поселковом клубе (в нынешние времена — почти всегда пустой). Она приучила сына к чтению, но приучить его к «цивилизованному образу жизни» так и не сумела. А где папа, не знал никто. Давно уже обитал сам по себе в северных глубинах Империи...

Лишь отправляясь в школу, Икира надевал рубашонку и клеенчатые босоножки. А в холодные времена поверх летнего наряда натягивал — как длинный бушлат — суконную мамину кофту со стеклянными пуговицами. Но из-под кофты все равно дерзко торчали коричневые птичьи ноги. Учительницу Анну Герасимовну это вначале пугало и раздражало. Но директор Юрий Юрьевич ей сказал:

— Оставьте вы его жить, как хочет. Это не просто ребенок, это явление здешней природы. Как горный дубняк на скалах, как чайки или треск цикад...

И Анна Герасимовна успокоилась. Тем более, что Иванко Месяц не дурачился на уроках и не получал двоек...

Икира никогда не врал. Если не хотел отвечать на какие-то вопросы — просто молчал. Смотрел в сторону и перебирал на ребристой груди камушки и бусины ожерелья. А еще — Икира всегда чувствовал, если неправду говорили другие. Нет, он никого не разоблачал (не то, что вечная правдолюбца Славка). Но по глазам его было понятно: он все видит и понимает. Поэтому старались при нем не врать.

— Ты — детектор лжи, — сказал ему однажды Слон. Икира шевельнул колючими плечами, словно хотел сказать: «Я же не нарочно...»

И вот сейчас шестиклассник Марко Солончук глянул на маленького Икиру — с надеждой на окончательную справедливость:

— Вру я или нет?

Икира сказал сразу:

— Ребята, Марко не врет!

Вопрос был решен. Славка фыркнула, но больше не спорила. И все ощутили облегчение.

Все... кроме Марко. В нем, словно косточка сливы в пищевом, засела досада. Потому что это ведь

не он доказал свою правду. Спасибо Икире, но... получилось, будто Марко спрятался за третьеклассника, заставил его защищать себя, а сам оказался слабаком.

Он сбросил ранец, поставил у ног.

— У меня есть еще доказательство...

В самом деле, зачем прятать находку? От кого? От давних друзей, с которыми почти всю жизнь прожил в этом поселке? Он с самого начала понимал, что не будет ее скрывать. Ведь хочется же похвастаться! А теперь — самый подходящий случай...

Марко сел на корточки, откинул крышку. Снизу вверх глянул на всю компанию.

— Вот... Взрывом отвалило пласт, а там, под ним, — остатки дома. Стенка... И я нашел это... — Он размотал платок. Взял девочку на ладонь...

Фонарские мальчишки и девочки были жителями древнего края. Каждому не раз приходилось видеть осколки старинных амфор и статуэток, куски мрамора с обрывками непонятных надписей. До недавних дней в здешних камнях часто копались археологи. При поселковом клубе был маленький музей, где хранились находки, которые делали местные жители. В позапрошлом году, правда, когда сменилась очередная власть, все экспонаты увезли в главную Приморскую галерею...

Увидев девочку, Топка и Пиксель одинаково присвистнули. Все столпились вокруг Марко. Никто не потянул к находке руки, просто смотрели.

— Артефакт... — задумчиво сказал Слон. Он был простецкий с виду, но знал немало. Никто, кроме Марко (и, может, еще Пикселя и Топки), не понял сказанного слова, и потому уважительно молчали. Икира присел рядом с Марко на корточки. Мизинцем коснулся пальчика на ступне девочки. Глянул в лицо Марко, шевельнул губами:

— Она... танцевала, наверно. Да?

— Скорее всего, что так, — согласился Марко. — Той ногой, которой сейчас нет, стояла, наверно, на пальчиках. А эту согнула, будто... птаха перед взлетом... — Он смутился, сам не зная отчего.

— А почему «она»? — вдруг насушился Кранец. — Может, это пацан...

— Олух, — добродушно проговорила круглая Галка. — Приглядишься...

— А чего... Я пригляделся. На груди никаких... признаков.

— Балда, — с высоты своего роста сказал Слон. — Она же еще ребенок...

А Славка, у которой тоже не было «никаких признаков» развернулась на пятке и длинной ищарпанной ногой дала Кранцу пинка. Кранец снес это молча.

Матвейка Кудряш присел рядом с Икирой.

— Смотрите, кулачок сжат. Наверно, она что-то держала в нем. Даже дырка под пальцами...

В самом деле, в кулачке было крошечное отверстие — как в бусине для ожерелья.

— Держала хворостину, — сообщила Славка. — Для мальчишек, у которых дурацкие языки... — Она поправила под футболкой юбочку и, кажется, примерилась для нового пинка. Кранец тяжело отпрыгнул.

Любопытный Матвейка нагнулся пониже.

— Интересно, а что было в другой руке? Которой нету...

— Ничего, наверно, не было, — с ласковой ноткой сказала Галка. — Ладонка, будто крылышко...

— Нет, было, — возразила Славка. — Вторая хворостина. Потому что одной, для некоторых дураков мало...

— Хватит тебе... — вполголоса велел ей Слон.

Теперь уже все кружком сидели над крохотной девочкой (и Славка присела). В глиняной танцовщице ощущалось движение и... слегка лукавая загадка: как по-вашему, кто я?

— Наверно, красивая была, когда... неразбитая, — шепотом сказал Пиксель, который любил все красивое. — Когда с головой...

— Она и сейчас красивая, — заступился Марко за девочку. — В Париже, в одном музее, стоит мраморная богиня победы, Ника Самофракийская. У нее совсем нет головы, а все равно все любят. Потому что в ней это... порыв. Даже складки на платье будто шевелятся от ветра...

— А у Венеры Милосской в том же музее, в Лувре, рук нет, — напомнил Слон. — А все равно считается, что шедевр мировой красоты... Потому что у человека есть воображение... чтобы добавить недостающее.

Матвейка Кудряш поскреб голову и огорчился:

— У меня его нету... воображения. Не могу представить, какое было у нее лицо...

Марко опять, как на берегу, представил лицо Юнки Коринец. И снова застеснялся сам себя. Пробурчал:

— Красивое было. В древности все лица на скульптурах были красивые...

— Интересно, она от снаряда разбилась или в давние времена? — спросил Пиксель.

— Конечно, в давние, — сказал Марко. — Снарядом только отодвинуло пласт. А она лежала там

давно, будто в упаковке. Там в пыли даже отпечаток остался. Можно слазить, посмотреть...

— Я вот вам слажу, — увесисто пообещал Слон. — Кто сунется, тому во! — Кулак у Слона был убедительный.

— А чего! — вдруг возмутилась Славка. — Не командуй, каждый имеет право...

— А «Полковник» имеет право снова шарахнуть по берегу. Мало тебе?

— Это они по мне шарахнули! — весело сообщил Марко. — Я когда пробирался там, плюнул в их сторону. А они ка-ак дали! И просигналили, что это в ответ...

— Врать-то — не брюхо «абажурке» лизать, — заметил Слон.

— Икира скажи: я вру? — сейчас Марко уже все-ррез верил, что так и было.

— Марко не врет, он просто не знает, — сказал Икира.

— А по правде это «копченые» парни виноваты, — объяснил Слон. — Они там на плоской скале нарисовали початок с ихнего флага. Пятиметровый. И написали еще: «Приглядись-ка — это пи...»

— Слон! — сказала Славка.

— А я чего? Это они...

Марко не хотел полностью отказываться от заслуг.

— Ну и что? А мой плевок, может, был последней каплей...

— И правда... — вдруг поддержала его Славка. Кажется, первый раз в жизни. Чудеса...

Славка будто позабыла свою колючесть. Она сидела на корточках справа от Марко и, похоже, хотела о чем-то спросить. И спросила шепотом. Про девочку:

— Ей, наверно, тысяча лет, да?

— А может, и две, — ответил вместо Марко Слон. — Хорошо бы ее Пекарю показать. — Пек в таких вопросах профессор...

— Давайте покажем! — подскочил любопытный Кудряш.

Слон рассудил:

— Тут уж как Марко решит. Это ведь он девицу откопал...

Марко не возражал. Да, надо показать! Пек — он же, в самом деле, не только журналист, но и археолог. Вдруг раскроет какую-то тайну? Тайна была, Марко чувствовал это все сильнее.

— Только я схожу домой. Одной плюшкой сыт не будешь...

Дома ему влетело от сестры. Она взялась за Марко прямо на пороге.

— Где тебя носит?! По всему берегу из пушек палят, а ты...

— Не по берегу, а только по мне. И не попали

— Зато я сейчас попаду... — В руках у Евгень был рисовый веник. — Совести у тебя нет! Ма чуть с ума не сошла... Ну-ка, поворачивайся!

— Спятила, да? Ай... Ну, только не черенком Мама, чего она! Я голодный, а тут вместо обидная агрессия!

— Мало тебе еще, — сказала мама из кухни с облегчением. — Агрессия... Уху греть или будешь холодную?

Пекарь

Встретиться с Пекарем в тот день не удалось. Когда пришли на двор Тарасенковых, дед сказал, что квартирант с утра укатил куда-то на тарактеке. Тарактелка — это был мопед, который Пекарь прямо здесь, в поселке, собрал из всякого утиля. Он был мастер на все руки.

Имя у него было Никанор, фамилия — Кротов-Забуданский (так он сам говорил; возможно, дурачился). А прозвище Пекарь получил Никанор за внешность альбиноса. Был он длинный и тощий, как Тиль Уленшпигель (про которого Марко прочитал в столице замечательную книгу) и весь будто посыпанный мукой. Южный загар к нему не приставал. Длинные растрепанные волосы — белые, как у здешних мальчишек, но не от солнца, а «от природы». Седая, тоскующая по женихам девица Изабелла Пушик сказала про него частушку — она слышала ее от бабушки, живущей в северной Вятской губернии.

Ох-ох, не дай бог

С пекарями знаться —

Руки в тесте, нос в муке,

Лезут целоваться.

Целоваться ни к Изабелле, ни к ее подружке Никанор не лез, у него хватало других дел. И, видимо, за это девицы подхватили прозвище, разнесли по Фонарям. И оно приклеилось. Никанор был не против. Тем более, что скоро «Пекарь» сократился до «Пека».

Пек постоянно ходил в широченной, разорванной на плече тельняшке, в обрезанных джинсах с бахромой у колен. В пляжных шлепанцах. Всегда с неунывающим лицом. Лицо было очень худое, но с разлапистым носом и широким ртом. С бледно-синими глазами в белесых ресницах. С таким же белесым пушком на подбородке. Можно было

бы подумать: совсем простецкий парень, если бы не его звание доцента, корреспондента и какого-то там «референта».

В Фонари он приехал в конце зимы, с археологической экспедицией, состоявшей сплошь из шведов и англичан. Экспедиция начала что-то копать на берегу Сайского лимана. А когда стали появляться признаки конфликта между Империей и НЮШем, заграничные специалисты быстро упаковали свои клетчатые портпледы и укатили в Ново-Византийский международный аэропорт. Это случилось как раз в те дни, когда вернулся Марко.

Пек не укатил. Ребятам, с которыми он успел завести дружбу, Пек спел:

Не нужен мне берег турецкий

И Африка мне не нужна...

Спросил:

— Слышали такую старинную песенку?

Ребята не слышали.

— Понятно... — покивал Пек. — Каждое поколение поет по-своему. Но есть, сеньоры, и вечные ценности...

— Доллары? — догадливо спросил Кранец-Помранец, и Слон дал ему легкого тычка.

А Пек разъяснил:

— Доллары отнюдь не вечное явление. До них были динарии, таланты, пиастры, талеры и всякий другой мусор. Возможно, скоро на смену долларам придут юани или червонцы, но это ничего не изменит на планете. Потому что главные ценности не в валюте, а в сокровищах духа. В мраморе Микеланджело, сонатах Бетховена или... в маминых колыбельных песнях... Икира, я правду говорю?

— Да, — шепнул Икира. Про Микеланджело и Бетховена он едва ли слышал, но мамини песни знал и Пеку верил...

— Вот... — сказал Пек. — А одна из главных ценностей — это ощущение гармонии бытия и единства с окружающей средой. Для меня такая среда — здесь. В ней буду я пребывать, пока не откопаю на здешних берегах неведомый миру шедевр или не напишу увлекательнейшую книгу...

— Про что? — не удержался от вопроса Марко.

— Про вас, — ответил Пекарь. Кажется, всерьез.

Иногда он целыми днями бродил в одиночестве по окрестностям Фонарей. Или с утра до вечера сидел в саду Тарасенковых с ноутбуком на коленях, шелкал по клавиатуре. Или покачивался в гамаке, водрузив на голову большущие черные наушники и закрыв глаза. Слушал новости.

У Пека был какой-то хитрый мобильник-приемник, на который не действовали глушители. «Связь через его величество Космос», — объяснял Пек и насмешливо указывал костлявым пальцем в зенит.

Новостями Пек делился с ребятами, когда они приходили к нему в сад или собирались у Камней. Ничего особо интересного в мире не случилось. Нашли, было, базу пришельцев на каком-то тибетском плато, но потом оказалось — вранье. А в общем-то всё, как обычно: воевали, воровали, взрывали. Ученые строили ускорители атомных частиц и выводили на орбиты великанские телескопы, но похоже, что это было надо лишь самим ученым... Могучие наводнения залили половину Европы, широченные пожары бушевали в Америке, но дикторы главным образом вещали о финансовом кризисе, ценах на нефть и семейных скандалах кинозвезд.

В Империи лопались плотины электростанций.

У Пекаря иногда темнело лицо.

— Никуда не поеду отсюда, — сказал он однажды. — Планета вздрагивает, не выносит человеческой глупости. И здесь у вас не самое опасное место. Несмотря вон на ту клизму в заливе...

Однажды после школы Марко заглянул к Пеку один, без ребят. Пек с наушниками сидел под яблоней. Глянул на гостя, поднял палец: подожди, не мешай. Потом улыбнулся:

— Душевная музыка. Послушай... — Отцепил от дужки один наушник, протянул Марко. Тот прижал его к щеке. И...

Этой была музыка струнного квартета, которую Марко слышал в столице. Когда был с Юнкой на детском празднике... Марко тихо сел в траву.

— Впечатляет? — сказал Пек.

Марко кивнул.

Мелодия кончилась. Они с минуту сидели молча. Марко хотел спросить, чья была музыка, но почему-то не решился.

— Пек, это у тебя на диске?

— Нет, выловил в эфире. Нечаянно...

— Значит, глушители на твой прибор совсем не действуют? — уточнил Марко.

— Хы... — гордо сказал Пек.

— Пек... — Марко застеснялся своего нахальства, но сдержаться уже не мог. — А можно я... мне... позвонить по твоему мобильнику? Больше ни у кого не работают. А мне... очень надо...

Пек сказал сразу:

— На здоровье... — Протянул черную коробку с крупным экраном на откинутой крышке. — Вот кнопка выхода в Космосеть. А после сигнала — как обычно. Действуй...

«Действие» не принесло успеха. Два номера — с нолею и с пятеркой на концах, которые не отзывались в прежнее время, не ответили и сейчас. То есть, один откликнулся беспомощными длинными гудками, а второй механическим голосом: «Данный телефон временно отключен...» Марко подержал мобильник у щеки и, глядя в сторону, протянул Пеку:

— Спасибо...

— Не горюй...

— Я не горюю, — соврал Марко.

— Девочка? — тихонько спросил Пек.

— Да... — шепнул Марко.

— Ты не торопи события. Она тебя найдет сама...

Это было за три дня до того, как Марко попал под обстрел.

На следующий день после обстрела вся компания снова пришла на двор к Тарасенковым. И опять оказалось, что Пека нет, ездит неизвестно где.

— Хоть бы поломалась его керосинка, — обидчиво пожелал Матвейка Кудряш.

Пошли на свое место, у Камней. Поболтали о вчерашнем. Слоны сказали, что сумел поймать по телеку часть имперских теленовостей и узнал, что правительство регента отправило НЮШу решительный протест по поводу «безжалостного обстрела мирного населенного пункта».

— А нюшки что? — спросил Кудряш.

— А они говорят: не надо было плевать, — сказал Слоны и посмотрел на Марко.

Марко не ответил. Было почему-то грустно.

В этот момент подкатил с треском и керосиновым чадом Пекарь. Уронил в бурьян мопед, встал над всеми.

— Говорят, что вы, господа, зачем-то ищете меня второй день...

— Да! — вместе подскочили Пиксель и Топка. — Марко нашел древнюю редкость!

— Великий Марко Поло, выкладывай! — У Пека азартно шевельнулись ноздри.

Марко так и носил девочку в ранце (в нем, в твердом, она не разобьется).

Достал, начал разворачивать платок. Было почему-то неловко, будто он при всех раздевает ее. Глупо, конечно. Ведь не голая же, в юбочке, а все равно... Может, потому, что приходится открывать ее увечья?

— Вот, — насуспенно выговорил он. Постелил мятый платок на обломок ракушечной плиты, положил на нее терракотовую фигурку.

У нее беззащитно торчала согнутая ножка. Все примолкли, только трещали в солнечной тишине цикады.

Пек уперся в плиту ладонями, низко нагнулся над девочкой.

— Ва-а... Ой-ёй-ёй... Марко, где ты ее откопал?

Марко сумрачно, однако без утайки рассказал про всё, что случилось. Упомянул, уже подробнее, и про матроса, и про медаль, и про письмо. От Пека чего скрывать. И от ребят тоже... Впрочем, история с матросом никого не заинтересовала. А вот находка... Все ждали, что скажет Пек.

— Похоже, что херсонесская культура, — объявил он, разгибаясь. — Возможно, еще дохристианский период... Подождите-ка... — Пек нацелился на девочку мобильником, в котором, конечно же, была мощная фотокамера. Спихватился, глянул через плечо:

— Марко, можно?

— Можно...

Пек сделал несколько снимков. Осторожно повернул девочку на бок, пощелкал снова. Потом снимал с другого бока, со спины...

— Я пошлю эти кадры в Институт археологии, знакомым специалистам. Они разберутся, что к чему... — И спихватился опять: Марко, можно послать?

— Да можно, можно, — нервно сказал Марко. — Только...

— Что?

— Имейте в виду, девочку я никому не отдам.

Пек покивал:

— Само собой. И не надо. По снимкам в институте сделают копию. И, может быть, даже реконструкцию. Понимаете, о чем речь?

— Не-а... — сказал Кранец.

— Компьютеры могут перебрать миллиарды вариантов и рассчитать, как девочка выглядела, когда была неразбитой. И сделать голографический снимок.

— Какой снимок? — удивился Икира.

— Объемную фотографию, — объяснил Слоны и растрепал у Икиры волосы. — Как на стереоэкрane... Только непонятно, Пек...

— Что непонятно?

— Если *это* можно, почему не сделают стереоснимки Венеры Милосской? Или Ники Самофракийской? Чтобы люди знали, какие они были, когда целые...

— Делались попытки, — покивал Пек. — Мало того, по снимкам пытались даже в натуре восстановить руки Венеры и голову Ники. Но искусствоведы такие опыты не одобрили. — Сказали, что это вроде бы насилие над культурой и человеческой

историей. Нельзя, мол, подменять искусство суррогатом...

— Чем подменить? — спросил Кранец.

— Жвачкой вместо шоколада, — объяснила ему, бестолковому, Славка. И Марко мысленно одобрил точность этого сравнения.

Славка сидела напротив Марко, метра в двух и порой вскидывала на него белесые, как у Пека, ресницы. Словно чувствовала себя виноватой за вчерашние придирки. Она была сейчас не в пиратской футболке и юбке, а в белом платице с рукавами-крылышками.

«Да, нельзя подменять суррогатом...» Но все же очень хотелось увидеть, какой девочка была до того, как пострадала...

— Можно все-таки попробовать... — сказал Марко. — Чего такого... — И несмело пошутил: — Искусствоведы не узнают...

Пек опять покивал:

— Да, я попрошу. Там понимающие люди... Труднее всего будет с лицом. Как угадать, какое оно должно быть?

«Знаю, какое!» — сразу подумал Марко. И... вдруг понял, что не помнит Юнкиного лица!

Волосы помнил, голубой блеск глаз, сложенные в улыбку губы. А вместе... все черты смывались в памяти, как бегущей по стеклу дождевой водой... Ну, что же это такое? Дырявая башка!.. Потом утешил себя: «Ничего, вспомню...»

Пек опять пригляделся к девочке.

— Наверно, танцевала. С какими-нибудь погрешками или кастаньетами.

— Разве тогда были кастаньеты? — спросила Славка.

— Кто их знает...

— А может, в одной руке палочка-стукалка, а в другой бубен, — сказала Славка.

Кранец возразил:

— Тогда, наверно, не было бубнов... то есть бубней...

— Сам ты бубня, — вздохнула Славка.

Пек попросил Марко:

— Ты с ней поосторожнее, с девочкой. Хрупкая...

— Я осторожно... — Марко стал заботливо заворачивать девочку в платок...

Дома он смастерил для девочки подставку. Отыскал пластмассовый стоячок с гнездом для шариковой ручки, воткнул в него огрызок карандаша. На огрызок надел кусочек трубки от волейбольной камеры. В трубку, чуть дыша, вставил обломанную ножку девочки. «Не боль-

но?» Девочка покачалась на упругой резинке и замерла.

Только тогда Марко показал находку маме и Жене.

— Любопытный экспонат, — заметила мама. — Где ты его откопал?

Пришлось придумать, что нашел девочку в бурьяне на месте весенних раскопок.

— Носит тебя, где попало, — сказала мама. — Лучше бы правила учил, завтра контрольный диктант.

Это не означало, что мама не понимает сына и не ценит находку. Означало, что у нее куча забот и давно нет известий от папы...

Зато от Евгении Марко скрывать ничего не стал. Та пообещала еще раз врезать ему венником, однако находкой заинтересовалась:

— Удивительная пластика движений... Жаль, что нет головы.

— Это у тебя нет головы! — обиделся за девочку Марко. — У нее есть! Только... невидимая. Пек обещал сделать реконструкцию

Евгения не рассердилась.

— Реконструкция — это отдельная вещь. А вот если бы прямо на этой куколке... Я читала в Интернете, будто все вещи хранят в себе память о первоначальной форме. Когда-нибудь ученые научат память просыпаться, и можно будет восстановить любой предмет.

— Это живые клетки могут. Называется «клонирование». А тут глина...

— А помнишь мультик про мальчика и глиняную лошадку? Расписную... Она у мальчика разбилась, и он понес ее к соседу-волшебнику. Тот собрал осколки в ладони, подержал, открыл — и лошадка там целехонькая. Мальчик спрашивает: «Как это получилось?» А сосед: «Надо, чтобы в ладонях была особая теплота...»

Марко не помнил. И насупился:

— Где возьмешь такого соседа...

Но слова о теплоте в ладонях сразу напомнили другое. Ощущение тоненького Юнкиного плеча и дрожание струнок... Значит есть же в человеческих ладонях такая вот живая сила! Захотелось взять девочку, охватить пальцами и передать ей свое тепло. И тогда... вдруг...

Однако делать это при Женьке он ни за что не стал бы. А она неожиданно предложила:

— Когда найдется время, надо отвезти статуэтку в столичный музей. Там, по-моему, за нее могут дать немалые деньги. Вдруг это настоящее произведение искусства?

— Ага! Разбежался в лаптях по Гетманскому шляху!

— Колючка ты, братец, — заявила Евгения и потеряла к Марко и его находке интерес. Оно и понятно: годовая контрольная по математике за десятый класс на носу.

А у Марко — годовой диктант!

Марко ночевал не в доме, а в сарайчике на дворе — в «хижине». Здесь было прохладно и спокойно. Никто не мешал читать до ночи. Вечером, демонстративно забрав с собой учебник, Марко отправился на ночлег: «Буду повторять правила».

Ничего повторять ему было не надо, на родном он и так писал без ошибок. Только иногда возникала путаница из-за двух языков, которые вмешивались друг в друга.

— Солончук, почему ты написал свою фамилию с твердым знаком на конце? — изумлялась Серафима Андреевна и вздергивала старомодное пенсне.

— Но ведь сказали, что возрождаются старые традиции!

— Не в такой же степени! И не было еще указа!..

А что, в Лицее пишут с твердым знаком?

— Там велели писать «Солончуг», с буквой «гэ» на конце. Мол, по тому же правилу, что город «Кременчуг». Я отказался, такой крик был!..

— Святые угодники!..

Марко включил настольную лампочку (она стояла на бочке, заменяющей стол), скинул штаны и рубаху, забрался под простыню. Шибуршали за стенкой куры. Чесался и громко зевал за дверью старый Бензель. Лампочка горела дохловато, потому что по причине блокады станция работала хило. Волосок лампочки еле слышно звенел. Треск цикад проникал во все щели, но был привычным, как тишина. В оконце светила бледная звездочка. Светила и луна, только с другой стороны, от нее серебрилась верхушка тополя.

Марко для очистки совести (обещал ведь!) минут пять почитал правила, положил учебник на бочку, а из-под подушки вытащил «Историю клиперов» Джона Колдуэла.

Клипера — самые лучшие корабли, которые придуманы людьми. То, что строилось потом, было уже насильем над природой — все эти турбины, котлы, генераторы, реакторы. А клипер — полное слияние со стихиями ветра и моря. Когда такой корабль стрижет волны, в нем пробуждаются живые струны, возникает явление резонанса с голосами океана и атмосферы. И этот резонанс может стать одной из разгадок Общей Теории Струн. Той, которую интуицией и догадками давно уже нащупывает Марко Солончук!..

Пусть миллиардеры строят яхты длиной в десятки метров, с вертолетными площадками, ракетными установками, стадионами, ресторанами и великанскими бассейнами. Пусть греют на них свои животы и другие места, загорают и предаются радостям с красавицами. Марко плевать на это с грота-салинга самой высокой мачты. Он, если сумеет закончить Академию корабелов, спроектирует клипер, который окажется созвучен жизни морей каждой своей жилкой. И жизни звездных пространств. Приблизит их разгадку, отозвавшись на музыку мира. Ту, что похожа на музыку струнного квартета!..

Разумеется, Марко не думал так свято и законченно. Мысли переплетались. Становились картинками. И одна из них — форштевень клипера с фигурой под бушпритом. Конечно, это была девочка. Та самая. Вернее, *в точности такая же*, только вырезанная мастером из красного дерева в натуральный рост. Похожая на старинную Катти Сарк. Непонятно одно: Катти сжимала в кулаке вырванный конский хвост, а что будет держать эта девочка?..

Марко не придумал — что. Сквозь полудрему услышал снаружи неясный шум. Вроде как легкие шаги. Бензель не подавал голоса, значит, ходил кто-то знакомый. Женька? Может, решила подглядеть: чем занимается братец? Учит ли правила? Но нет, шпионство не в ее натуре!..

В раму открытого окошка стукнули.

— Кто? — строгим шепотом сказал Марко.

— Я!..

— Кто «я»?

— Икира!..

Большая Луна

Ну и ну!

— Вот подарочек летней ночи!.. Тебе чего?

— Марко!.. я хочу спросить!.. — прошелестело за подоконником.

Марко мягко прыгнул к окну. В тени темно-коричневый Икира был почти неразличим, но белые шортики серебристо светились даже сейчас. Марко высунулся, подхватил Икиру под мышки, втянул внутрь (весу в нем было, как в котенке). Поставил. Сказал опять:

— Чего тебе? Среди ночи!..

И тот повторил слегка сбивчиво:

— Я хочу спросить!.. Можно?

Был он то ли испуган, то ли просто взволнован. Старался казаться сдержанным, но дышал часто.

Марко взял его за локти, подвел к топчану. Сел, поставил Икиру перед собой.

— Ну, спрашивай... Что случилось-то?

— Марко... почему сегодня луна такая большая?

— Какая... большая?

— Громадная... — выдохнул Икира. — Не такая, как всегда...

— Тебе что-то приснилось?

— Нет. Это по правде...

Он был горячий. Его костлявое тельце излучало нешуточную тревогу. Марко понял: здесь не делаться двумя словами.

— Отдышись... И скажи: с чего ты взял, что она громадная? Совсем недавно я видел ее — нормальная...

— А сейчас не такая... Пойдем посмотрим.

— Икира, ты темечком стукнулся, да? Я спать хочу...

Но тут же Марко тряхнул головой. Опомнился: всё равно придется идти. Чтобы отвести Икиру к нему домой. Время совсем позднее, а он какой-то... не такой. Может, он лунатиком стал? Ну, тем более, надо проводить...

— Это ведь недалеко... — прошептал Икира. — Только посмотрим, и ты... скажешь...

— А что я могу сказать? Я же не астроном...

— Ну... все-таки немножко астроном. У тебя же телескоп...

— А если бы у меня была скрипка? Я был бы Паганини?

Икира едва ли знал, кто такой Паганини. Он молчал. Виновато и... с пониманием, что Марко его не оставит. Марко, сердито дыша, натянул рубашку и штаны. Обуваться не стал. Икира вон всегда босиком...

Он высадил Икиру в окно, как в парашютный люк, и выскочил сам. Подошел Бензель, носом ткнулся Икире в живот.

— Куда идти-то? — проворчал Марко. Из-за дома луну было не видать.

— Недалеко. На угол Баркасного... Откуда церковь видна, — прошептал Икира и ухватил Марко за локоть горячими пальцами. По Марко словно ток пробежал — это вошло в него беспокойство Икиры.

— Зачем тебе церковь-то?

— Для сравнения...

Больше Марко ничего не спрашивал. Тайна взяла его в мохнатые лапы. Мурашки под рубахой. А еще — такое чувство, будто он должен от чего-то защитить Икиру.

«Вот как вляпаемся в какое-нибудь параллельное пространство...»

Улица была безмолвной и пустой. Только цика-

ды надрывались. Кремнистую дорогу пересекали частые тени тополей. Лунный диск проскакивал за тополями и казался жидким, как медуза. Но Икира сейчас не смотрел на него, он тянул Марко на перекресток.

И они вышли к Баркасному переулку.

Здесь луна царствовала на просторе. Как в приключенческом кино, высвечивала белые дома и заборы. Звезды бледнели в зеленом небе. А сам лунный шар сиял, будто с громадной лампой внутри. Недалеко от него чернела колокольня с большой маковкой на шпиле и крестом.

— Видишь? — прошептал Икира.

Луна... да она и правда выглядела крупноватой. Но что здесь такого? Она в разные времена видится неодинаково. При восходе кажется большущей, будто круглый стол, а потом делается, как шарик для тенниса... Хотя... нет, сейчас не шарик...

Марко сказал, чтобы успокоить Икиру (и себя):

— Что особенного? Это просто видимость. Летний лунный пейзаж...

— Нет, не видимость... — Пальцы Икиры сильнее жали локоть Марко. — Пойдем...

— Куда еще?

— Чтобы крест оказался на луне...

Икира опять потянул Марко. Ближе к центру перекрестка. Когда они шли, луна и колокольня сдвигались в небе, и наконец крест оказался на ярком, пятнисто-серебряном круге.

В здешних местах церковные кресты были шестиконечными, с косой поперечинкой внизу, но без верхней перекладинки. И сейчас тонкое черное перекрестье напомнило мачту с реем.

Крест легко уместился на диске. Луна и правда казалась очень большой. Словно приблизилась к Земле на половину прежнего расстояния.

— Видишь? — нервно шепнул Икира. — Когда я раньше смотрел с этого места, крест был больше луны. А сейчас меньше...

Мурашки ошутимее прежнего пробежали по Марко. В самом деле, видение было такое... «космически-мистическое» или «мистически-космическое»... Понятно, что оно могло напугать необразованного третьеклассника... Но Марко — образованный! И старший. Он обязан был защитить малыша (хотя не такой уж малыш, но сейчас это слово подумалось само собой). Марко движением лопаток прогнал жутковатость, бодро сказал:

— Ну и чего такого? Оптический эффект.

— А... почему он... такой? — выговорил Икира.

Он по-прежнему крепко держал Марко за локоть. — Потому что... бывает, что в атмосфере слои воздуха — разные по температуре. Иногда один

слой, более холодный, складывается в линзу. Участок повышенной плотности. Получается, будто громадное увеличительное стекло. Вот оно и приближает небесные предметы. Как телескоп...

Кажется, Икира поверил, пальцы, сжимавшие локоть Марко, ослабли. А Марко и сам почти поверил в только что придуманную теорию.

— А по правде она... значит, не придвигается? — Икире хотелось дополнительной уверенности.

— Конечно, нет!.. — Марко вдруг вспомнилась другая теория, уже не придуманная. — А иногда и придвигается. Потому что у Луны ведь не совсем круглая орбита вокруг Земли. Она вытянутая. Луна — то дальше, то ближе. Может, я что-то путаю, но, по моему, самая ближняя точка случается раз в двенадцать лет. И тогда Луна кажется особенно большой, многие даже пугаются. Но это не опасно!..

— Значит, сейчас как раз... эта точка?

— Да!..

— Выходит прошлое приближение было, когда ты только родился?

— Выходит так...

— А ты помнишь ту большую луну?

— Икира, ты что?! Я же был грудной младенец!.. Скажи, вот ты разве что-нибудь помнишь из младенческого времени?

Икира почему-то пригорюнился.

— Немножко помню... Стекланный кораблик на елочной ветке. Как он блестит и качается. Мама говорит, что это было, когда мне исполнилось три месяца. Потом кораблик разбился...

Марко взял его за плечо.

— Пойдем домой... а то мама заглянет в твою комнату, а тебя нет. Перепугается...

— Ей не привыкать, — по-взрослому отозвался Икира. — Да она и не заглянет, она спит. А если утром спросит...

— Что скажешь? Ты ведь никогда не врешь, — поддел его Марко.

— Я и не буду. Скажу, что ходил к тебе в гости...

— ...и влетит нам обоям.

— Уж тебе-то никак не влетит, — успокоил Икира.

— Почему?

— Мама говорит, что ты «очень положительный персонаж»...

— Я-а-а?!

— Да. Ты в ее библиотеке самый активный читатель. Так она недавно сказала...

— Надо же!.. А Слон?

— Да, и Слон... А еще Славка...

— Кто-о?!

— Мирослава Тотойко, — отчетливо сказал Икира. — Марко, чему ты удивляешься?

Было чему. «Славка — читательница!»

— Никогда бы не подумал.

— Но это так, — произнес Икира с интонацией мамы-библиотекарши. — Только она немного странная читательница... ой. Я проговорился...

— Говори уж до конца, раз начал. — У Марко проснулось любопытство.

— Получится, что я бессовестный болтун...

— Я тебя не выдам.

— Марко, правда?

— Вот джольчик... — Марко вынул из нагрудного кармана медаль. Она заблестела на ладони, как маленькая луна. — Клянусь морским коньком.

— Ну, тогда... — Икире и болтуном быть не хотелось, и обижать Марко тоже было нельзя: тот вон как убедительно разогнал Икирины лунные страхи... — В общем, мама рассказывала, что Славка выбирает книги... по-особенному. Она просит показать твой формуляр и берет книги, которые читал ты...

Марко почему-то застыдился и почти испугался. Но только на секунду. Потом в нем заплясали веселые чертики. Он их даже будто увидел наяву — похожих на лягушат с рожками. И хихикнул:

— А чего здесь странного? Просто берет пример с умного человека...

Наверно, так оно и было. А что еще-то?

— Марко, я маме то же самое сказал...

— Ты умница! — Марко пятерней взъерошил Икирины космы. Так же, как иногда это делал Слон.

Пока беседовали, луна ушла из-за креста и, кажется, стала поменьше.

— Ну, идем, — поторопил его Марко.

— Да... — вздохнул Икира. Но не двинулся. Видимо, теперь, когда луна стала неопасной, было хорошо стоять в ее свете. Он обтекал Икиру, как серебристая жидкость, обрисовывая ребрышки и суставы. Икира шевельнулся в этом свете и сказал:

— Сегодня, наверно, лучше всего смотреть на нее в телескоп...

— Ты ведь на той неделе смотрел. С Топкой и Пикселем...

— Тогда был месяц, а теперь она вон какая. И ближе... Марко, давай поглядим, а?

— Что-о? Сейчас? Полночь на улице! — Марко глянул на часики.

— Но у тебя же есть ключ... — полупшепотом сказал Икира.

— От верхней комнаты. А как в школу-то попадем? Тете Зоря нас метлой.

— Она никогда никого метлой, только пугает. И не спит по ночам, потому что на посту...

Проще всего было сказать, что ключ дома и его придется долго искать. Но врать Икире... это все равно, что добровольно стать хихилой. А кроме того, Марко ощутил, как струнками дрожит в Икире желание сказки и необычности. Струнки проснулись и в Марко, разбудили «приключенческого жучка». Вроде того, который толкнул его на обрывы. И ведь не зря толкнул. Не послушайся его Марко, не было бы девочки... Не следует отступать и сейчас. Тем более, что школа — не обрыв, тетя Зоря — не крейсер «Полковник Дума».

— Ох, Икира...

— Что? Идем?! — подскочил тот.

Они пошли. Через тени тополей и лунный свет, через полную цикад тишину. Хотя в тишине были не только цикады. Вдруг издали донеслась музыка. Вернее, лязганье и буханье, словно отгороженное от тихой ночи прикрытой дверью. Марко досадливо мотнул головой:

— Где это?

— В Мраморной рытвине, — объяснил Икира. — Большие ребята решили устроить ночную дискотеку. Подальше от всех...

Мраморной рытвиной называлось широкое углубление с плоским днищем, на южном краю поселка. Место давних раскопок.

— Слон тоже, наверно, там, — тихонько сказал Икира.

— Вот уж не думал, что он увлекается плясками под луной, — пробурчал Марко.

— Он не увлекается, — заступился Икира. — Он им чинил магнитофон и колонки...

«А может, и Женька там? — подумал Марко. — Сказала, что пошла ночевать к подружке, готовиться к завтрашней контрольной, а на самом деле скачет с парнями... Завтра можно будет позубоскалить: как прошла Вальпургиева ночь?» (Оперу «Фауст» он слышал осенью в столичном театре, ходили туда всем классом.) Свернули на длинную Шкиперскую улицу, которая вела к школе. Дискотечное звяканье утихло за домами. Прохожих не было, только встретился тощий черный кот. Здесь это не считалось плохой приметой.

— Кыс... — позвал Икира.

— Мр-р... — кот потерялся боком об Икирину ногу и пошел дальше.

— Это тети-Зорин Боцман, — сказал Икира.

— Знаю...

Трехэтажная школа в конце улицы белела известняковыми стенами и блестела черными квад-

ратными стеклами. Она всегда казалась ближе, чем есть. А на самом деле идешь, идешь до нее... Впрочем, сейчас идти было хорошо. Мелкие камушки на дороге дурашливо покусьвали босые ступни. Веял еле заметный ветерок с запахами йодистой воды и теплых трав: чабреца, полыни, икиры... Марко вздохнул от радости, что впереди почти бесконечное лето.

Но школа наконец приблизилась — и приблизилось опасение: как отнесется к ночным гостям тетя Зоря? У дороги стоял столетний вяз. От дерева над плиточной дорожкой тянулся могучий сук. На нем любили покачаться все, кто умел допрыгнуть. Считалось, что это — к удаче. Марко допрыгнул. Повисел. Почесал правой пяткой левую лодыжку. Соскочил, глянул на Икиру:

— Подсадить?

— Ага...

Икира повисел, дрыгнул ногами. Приземлился, деловито поторопил:

— Идем.

Они обошли здание с тыла — не ломиться же в главный вход...

— Икира, если тетя Зоря спит, я будить не стану. Я боюсь... — честно сказал Марко.

— Она не спит. Вон, свет горит...

Рядом с невысокой дверью, в открытом окошке желтел огонек. Икира и Марко подобрались на цыпочках сквозь щекочущую сурепку, положили на подоконник подбородки. Тетя Зоря сидела на кровати перед столиком с фаянсовым светильником. На ней были старинные очки в железной оправе. Тетя Зоря склонилась над толстенным томом. Конечно же — над «Сагой о Форсайтах». Многие знали, что это любимая тети-Зорина книга. (Марко однажды пробовал почитать — скукоптица...) Рядом сидел кот — не Боцман, а другой, рыжий Гетман.

— Тетя Зоря... — храбро шепнул Икира. Гетман дернул ухом. А тетя Зоря не шевельнулась, но сказала басовито:

— Это кто там гуляет среди ночи?

— Это я, Икира...

Тетя Зоря наконец вскинула очки.

— Иванко?

— Да. И Марко...

— Солончук из шестого, — уточнил Марко. Нельзя же, чтобы маленький Икира один проявлял смелость.

— А, столичный житель! — вспомнила тетя Зоря. И спохватилась: — А чего это вас носит дурная сила, когда надо спать? Нет на вас «тараскиных слез»...

Строгость была ненастоящая, Марко торопливо заговорил:

— Тетя Зоря, нам надо посмотреть в телескоп на Луну. Очень-очень. Пустите нас, пожалуйста, в школу. Мы недолго...

— Выбрали время!

— Это же не мы выбрали, а Луна, — разъярил Икира.

— Она же не спрашивает, — добавил Марко.

— «Не спрашивает»... А ты разве еще не забрал свою трубу домой?

— Не забрал! Юрий Юрьевич попросил пока оставить для летнего лагеря...

— Вот узнает Юрий Юрьевич про эти ночные дела, задаст нам всем...

— Не, он не задаст! — уверил Икира.

— Ох, Иванко, непутевая твоя голова... Пошли, сама отопру, там замок тугой...

В школе пахло школой — пересохшей масляной краской, мелом, буфетом (где, несмотря на блокаду, кое-как подкармливали завтраками малышей), деревом старых книжных шкафов и кожаными матами из спортивной кладовки.

Лунные квадраты лежали на полу и отражали свет на стены. Половицы казались теплыми от фосфористых лучей. А нарисованные Топкой и Пикселем рыбы, осьминоги, кальмары, медузы, дельфины и русалки будто оживали на стене среди великих морских трав. И похоже, что по коридорам и лестнице сновали сделанные мелом рисунки — те, которые удрали с досок раньше, чем их стерли дежурные. Всякие чертенята, коты с хвостами-кактусами, космические пришельцы и добродушная биологичка по прозвищу Живая Природа (она не обижалась на карикатуры). Икира опять взял Марко за локоть — конечно, не от боязни, а просто так...

На третьем этаже Марко отпер скрипучую дверцу. Птичьи чучела на полках растопырили перья. Гипсовый череп неандертальца многозначительно улыбнулся сквозь стекло шкафа (Икира не стал смотреть в ту сторону). В углу на столе Луна высветила макет бревенчатой славянской крепости (Слон однажды сказал, что в ней живет домовый по имени Сырояр, и Кранец, который был здесь же, поверил).

Силуэт телескопа чернел на подоконнике, луна висела точно посреди окна. Марко толкнул створки. Ночь вошла в комнату теплым вздохом — со всеми ее запахами, цикадами и серебром. Марко развернул метровую трубу в сторону Луны. Покрутил винты и кольцо окуляра.

Икира подтащил табурет. Цилиндрик окуляра торчал на конце трубы, сверху. Икире было неудобно смотреть с пола, пришлось бы вставать на цыпочки.

Марко уже не очень удивлялся пепельно-серебристым лунным пейзажам, которые рефлектор приближал чуть не к самому носу. Интересно, разумеется, загадочно, однако в конце концов делается однообразным. Гораздо интереснее ловить зеркалом оранжевый шарик Марса, Юпитер со спутниками, Сатурн с тоненьким кольцом, размытые пятнышки галактик. Но сейчас как их найдешь в лунной зелени неба...

К тому же, Икире нужна была именно Луна. Он взобрался на табурет и нетерпеливо вздохнул.

— Ладно, смотри... — Марко отодвинулся от окуляра. — только осторожнее, не сбей наводку...

— Я не... ух ты... — Икира часто задышал. Наверно, в увиденном была для него своя, одному ему понятная сказка.

Марко рядом с треногой телескопа уперся в подоконник локтями. Стал смотреть на залив. От Луны тянулась по воде широченная полоса. Будто из великанского мешка рассыпали от горизонта до низких крыш на берегу золотую стружку. И была бы полная красота, если бы не черный крейсер. «Полковник Дума» перегораживал светлую дорогу по всей ширине.

Может быть, и это было бы красиво — силуэт корабля в лунном пространстве. Если бы не знать, какой это корабль! Но Марко помнил запах взрывчатки...

Икира повозился на табурете.

— Марко, можно чуть-чуть опустить трубу?

— Зачем?

— Я хочу посмотреть на крейсер...

— Нашел что смотреть. Там же темно...

— На нем, кажется, есть огоньки... Или нельзя?

— Да почему нельзя? Смотри... Только он будет вниз мачтами...

Марко случалось разглядывать в телескоп крейсер днем (правда, украдкой: чтобы оттуда не заметили в свои стереотрубы мальчишку наблюдателя). «Полковник Дума» словно оказывался в двадцати метрах. Можно было разглядеть заклепки на железных плитах, лица матросов, бегавших вниз головой. Видна была даже штопка на кормовом флаге и помет чаек на звеньях якорной цепи. Однажды он усмотрел командира крейсера. В белом кителе и аксельбантах. Тот стоял у поручней и таращился на берег. Различима была над бровью круглая бородавка. Лицо

(Продолжение смотрите на странице 57)